PG 3337
.L8 C5

1834

Lutkovskii, Nikolai Petrovich.

ЧЕТЫРЕ ВЫМЫСЛА.

Chetyre vymysla

Сочиненіе

НИКОЛАЯ ЛУТКОВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Въ Типографіи И. Бенкена и А. Лышкина

1834.

PG 3337
.L8 C5
1834

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный комитетъ три экземпляра. С. Пешербургъ, 2 февраля 1834 года.

Цензоръ А. Крыловъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ДРУГУ — СОВОСПИТАННИКУ,

ПАВЛУ ЕМЕЛЬЯНОВИЧУ

ЗАВАРИЦКОМУ.

ВЫМЫСЕЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЛЮБОВЬ и СИРОТСТВО.

I.

Полна трудовъ и славы благословенная жизнь воина! Въ мирное время, одною рукой точа тренаный шпыкъ или саблю на случайное

съ недобрыми людьми ратованье, въ другой согрѣваетъ онъ сердце признательной своей родины; и могучая грудь его высоко вздымается отъ восторга, при сладостной мысли о счастіи милыхъ согражданъ. Двинется ли онъ всею силою на безпокойнаго сопостата? Поле брани огласится побѣдными кликами его доблестей. Довершитъ ли благополучно начатый имъ подвигъ мужества? Отечество со слезами благодарности встрѣчаетъ его на рубежѣ мира и, оживляемое чувствованіемъ нѣжнѣйшей любви, радостно торжествуетъ возвращеніе героя.

Снова ли нарушенъ миръ? И самодовольный солдатъ снова гоповъ летѣпь на враговъ непривѣпливыхъ и, для блага родины, воеванъ съ ними за каждый вершокъ того поля, на которое пала капля крови его добрыхъ поварищей. —

Еще недавно обнимали мы отцовъ, брапьевъ и друзей, возвращенныхъ намъ славою съ береговъ Терека и Дуная. Мы еще не успѣли благословипь на отдыхъ этихъ побѣдоносныхъ богапырей, какъ уже возспалъ на насъ Ляхъ. — Война! Варшава бунтуетъ, Варшава силится отразипь

могучія силы Русскаго воинства; но безплодныя ея смущы далече опизываются уничиженіемъ... Варшава тяжко вздыхаетъ о своемъ невозвратномъ паденіи; а для Русскихъ опять насшала, сколь ими ожидаемая, пора спокойствія.... Они возвратились къ намъ, возлюбленные наши соотечественники, друзья неоцѣненные!.... Съ какою честію мы привѣтствовали ихъ!.... Мужъ древнихъ лѣтъ забывалъ свои сѣдины, со слезами счастія встрѣчая достойнаго внука; тотъ крѣпко прижималъ къ груди своей испытаннаго въ бояхъ гражданина — друга; этотъ въ восторгѣ спѣшилъ

обнять доблестнаго родителя; мать почтительно принимала въ семейный свой кругъ сына, возвратившагося съ честію; и задумчивыя невѣсты охотно примирялись съ рокомъ, увидѣвъ жениховъ, увѣнчанныхъ лаврами.....

И Ольги Искриной исполнилось истерпѣливое желанье. Предметъ нѣжныхъ ея думъ, прекрасный идеалъ любви ея, Александръ Денницкій, отвоевавъ, прилетѣлъ свидѣться съ этою милою женщиною. —

II.

Вы знаете Денницкаго? Временемъ уединенной тоски, вы не вспоминали о немъ? Или согрѣтые огнемъ общеспѣвеннаго веселья, вы ничего о немъ не слышали? —

Онъ родился въ Варшавѣ. Младенцемъ былъ онъ привезенъ своею матерью изъ отчизны въ Петербургъ, и радушное наше Правительство приняло ихъ, какъ родныхъ. — Не столь плѣнительна вечерняя заря, не такъ прелестна природа въ утренней красотѣ своей, какъ гостепріимство, это завѣтное наслѣдіе православной

старины, освящающей дѣянія Русскихъ. Неприпворное участіе, совѣтъ отъ искренняго сердца, готовность пріютить подъ теплый кровъ, въ минуты скорби — утѣшительная ласка, въ нуждѣ — помощь, въ бѣдствіи — спасенье: все и всегда расположены они предложить своему неожиданному посѣтителю. И къ радости матери Денницкаго, ея желаніе скоро исполнилось. — Александръ былъ принятъ въ разсадникъ геніевъ войны, вступилъ въ среду тѣхъ маленькихъ дѣтокъ, которыхъ умы и сердца такъ успѣшно возращаетъ Россія для подпоры своей. —

Тамъ жизнь Александра развилась подобно мирту. Онъ просвѣтилъ себя науками и, такъ сказать. сроднился съ добродѣтелью. Когда же прошло время его дѣтства, онъ получилъ отъ Царя доломанъ, украшенный золотомъ и саблю, повитую серебреною лентою; и, въ чинѣ корнета, весело вступилъ въ свѣтъ. —

III.

Любимцу Музъ позволительно наслаждаться зрѣлищемъ творенія.

Онъ выходитъ въ поле. Передъ нимъ, помавая кудрявою вершиною, стоитъ густой лѣсъ, позлащенный лучами денницы; тамъ стелется колосистая пажить и трудятся жнецы; тутъ гряда холмовъ, усѣянныхъ кустарниками; а здѣсь, пробираясь между цвѣтовъ, привольною струей катится ручеекъ. Всюду красота и любовь! Всѣ виды очаровательны. — Но поэтъ слѣдуетъ влеченію чувствъ своихъ, и изъ множества превосходныхъ картинъ природы избираетъ для наслажденія одну. Онъ любуется денницею, нѣжно обнимающею лучами своими зеленый лѣсъ. —

Я похвалю поэта такъ же, какъ васъ, друзья мои! Мірская суета кажется вамъ довольно обыкновенною. Являясь посреди людей, дышущихъ эгоизмомъ, вы, неослѣпляемые простотою природы, пляняетесь только тѣми ея предметами, которые располагаютъ ваши сердца наилучшимъ образомъ: вы восхищаетесь только достоинствами избранныхъ вами дѣвъ, и любите ихъ опъ всей вашей воли. Подобно вамъ и Денницкій былъ, въ юности полный властелинъ души своей. Онъ уважалъ опытность и умъ, одобрялъ дарованія, цѣнилъ пріязнь сослуживцовъ; но желаніе супружескаго счас-

тія предпочиталъ всякому другому желанію. Онъ полюбилъ Ольгу Искрину, дочь почтенныхъ родителей, которая съ дѣвственною привѣтливостью отвѣчала любви его. Садилась ли она за рояль? Александръ бралъ скрипку, и — въ сердцахъ любящихся — нѣжные звуки двухъ инструментовъ сливались въ одно, невыразимо пріятное чувствованіе. Начинала ли рисовать? Онъ слѣдовалъ своимъ взоромъ за взорами прелестной Ольги и, въ чертахъ ея лица, находилъ красоты, для искусства неподражаемыя. Словомъ, вездѣ она и вездѣ онъ: вотъ мысль, не оставлявшая молодыхъ любовниковъ. —

Напрасно зависть шептала о Денницкомъ: «онъ, не любя, счастливъ.» — Напрасно испытанные въ неудачахъ старики совѣтовали ему подумать, подождать; а ласковыя старушки твердили, что сонъ любви кратокъ и что, въ возрастѣ Денницкаго, не возможно покорить себѣ Фортуну. Все было тщетно! Скромный Александръ не обращалъ вниманія на завистниковъ; слушая старушекъ, улыбался; и каждому старику отвѣчалъ, хотя и въ прозѣ, но такъ же или почти такъ, какъ выразился я въ слѣдующихъ стихахъ:

„Жертва времени и рока,
Старецъ хилый! Твой совѣтъ
Я приму какъ рѣчь Пророка,
Сберегу для позднихъ лѣтъ. —
Сердцу сладостныхъ благъ свѣта
Парка долго не продлитъ:
Быстро, быстро пролетитъ
Юность рѣзвая корнета;
И, за осенью любви,
Хладныхъ думъ зима настанетъ,
И остынетъ жаръ въ крови
И надежды цвѣтъ увянетъ....
И тогда, какъ ты, пойду
Я къ могилѣ отъ кручины,
И на память приведу
Твой урокъ, твои морщины!...
Но теперь, мудрецъ сѣдой,
Погляди!... Еще я молодъ,
И къ душѣ моей младой

Недоступенъ жизни холодъ....
Недоступенъ!... Нѣтъ!... Она,
Въ эти счастливыя лѣта,
Чувствъ возвышенныхъ полна
И огнемъ любви согрѣша....
Вѣрь.... Но ты и самъ любилъ
Чувствамъ нѣжнымъ предаваться,
И когда-то счасливъ былъ....
Не мѣшай же наслаждаться,
Не мѣшай и мнѣ любить,
И о счастьи говорить!...

IV.

Однажды, проводя досугъ въ кругу своихъ сослуживцовъ, Денницкій

услышалъ отъ нихъ вѣсть о Варшавскомъ мятежѣ. — Исполненные высокихъ чувствованій къ отечеству, гусары порицали измѣнниковъ и, съ жаромъ славы, сообщали другъ другу предположенія свои о потѣхахъ неминуемой войны.

Какъ человѣкъ непритворный, Доницкій оживлялъ рѣчь ихъ и, какъ Полякъ, запавшій въ сердцѣ клятву вѣчной преданности къ Царю законному, мысленно негодовалъ на мятежниковъ. Между тѣмъ грудь его стѣснялась отъ грусти. Едва распустившійся цвѣтъ его жизни видѣлся ему, въ грядущемъ, сраженный бурею тяжкихъ испытаній.

Онъ находилъ, что война и необходима и ужасна; что невлюбленный человѣкъ можетъ пожать во брани прекрасные плоды мужества, но влюбленный потеряетъ все. .. все.... Словомъ, Александръ разсудилъ, что время можетъ навсегда разлучить его съ Ольгою Искриною, и что, слѣдственно, онъ долженъ немедленно съ нею обвѣнчаться.

Сохранивъ предъ товарищами видъ спокойствія, онъ оставилъ ихъ и поспѣшилъ туда, куда такъ ласково его звала дума.

.....

V.

Вы видѣли земли преображенье,
Весеннею порой?.. .
Ненастье... Бурныхъ тучъ скопленье...
И нивы и луга подъ мрачной пеленой....
Дождь ливмя; лѣсъ шумитъ; встающею волной
Означено рѣки бущующей стремленье....
Ужасный видъ! — Но солнце лишь взойдетъ, —
Чело природы прояснится:
Вѣтръ стихнетъ; пѣснію лѣсъ громкой огласится,
И возрожденная долина зацвѣтетъ!...

Вотъ эмблема чувствованій! — Въ душѣ человѣка заключена вся природа. Ненастье омрачаетъ землю, а

горе — человѣка; ея оживляетъ вѣдро, насъ — радость. —

Свиданіе съ Ольгою прояснило мечты Александра. Онъ, по прежнему, казался восхищенъ чарующимъ ея взглядомъ и привѣтливостью. За рѣчью рѣчь. Время потекло въ чистосердечной бесѣдѣ; и юноша жадно ловилъ эти мимолетные часы свиданія. — Но въ ту роковую минуту, когда восторгъ наполнилъ съ избыткомъ его грудь совершеннѣйшими чувствованіями, онъ открылся дѣвицѣ Искриной въ пламенной любви къ ней.

„Вы правы!„ говорилъ онъ Ольгѣ. „Откровенность есть цѣлебный источникъ сердца. У того оно должно быть хладно, какъ гранитъ, кто не искренъ, и чей умъ скованъ принужденностью. Бываютъ однако-жъ случаи.... Есть такія тайны.... такія надежды... Ахъ, Ольга!...“

—„Вы любите, Александръ!...„ прервала Искрина трепещущимъ голосомъ.

„Предметъ моихъ желаній передо мною... Могу ли теперь скрывать, что люблю васъ....“

„Такъ, такъ! Мы взаимно были любимы!“ подхватила Ольга.„ Но по-

слушайте. Я не равнодушна къ вамъ съ тѣхъ поръ, какъ вы стали посѣщать нашъ домъ. При васъ была я всегда счастлива; безъ васъ — всегда печальна. Покоряясь внутреннему гласу, я привыкала къ вамъ;... думала найти предназначеніе Неба въ соединеніи съ вами; желала этого,... надѣялась... И что же?... Небу угодно, чтобъ теперь я сказала вамъ грустное *нѣтъ*... Вы трепещете, Александръ!... Не хотите вспомнить, что вы... Ахъ, зачѣмъ вы не Русской?... Кровь моихъ соотечественниковъ безвинно пролита на стогнахъ Варшавы; а вы, вы шакъ спѣшите войти въ

храмъ блаженства.—О, будьте попрежнему кротки и разсудительны!... Я исполнена къ вамъ нѣжнѣйшей привязанности, и если не могу теперь отдать вамъ своего сердца, то причина этого должна быть вами уважена... Я Русская...“

„Зачѣмъ охлаждать себя сомнѣніемъ!“ продолжалъ Денницкій, цѣлуя руку Ольги.“ Вы, я, онъ, другой — всѣ мы заклеймены одною печатью человѣчества и суть дѣти одной Природы. Если тамъ, въ самозабвеніи, братъ убиваетъ брата; то здѣсь, напротивъ, царствуетъ тишина и лю-

бовь... Такъ сужденно не нами! И долженъ ли я краснѣть за убійцъ? Потому ли долженъ быть несчастенъ, что родился съ ними подъ однимъ небомъ? Да, я Полякъ; но Полякъ вѣрноподданный Царя Русскаго, презирающій нарушителей присяги. За что же вы дѣлаете меня жертвою вашего убійственнаго подозрѣнія?»

„Не подозрѣніе, нѣтъ. Долгъ Вѣры и чести“ возразила Ольга. „Васъ призываетъ война... Поспѣшите же оправдать мои желанія. Но когда преступники падутъ, и вы, увѣнчанные славою, возвратитесь: тогда...“

«Быть можетъ» прервалъ Александръ: „кончу я жизнь вдали отъ васъ.“

— „О, чистая, нѣжная любовь, о которой мы говорили, эта божественная любовь не умираетъ,“ подхватила Ольга. „Если она не соединитъ насъ здѣсь: мы, конечно, увидимся тамъ, предъ престоломъ Вседержителя, и будемъ вѣчно жить любовью взаимною.“

„Это будущее представляется мнѣ какъ ужасное сновидѣніе.“ сказалъ Александръ. „Сражаюсь .. Уношу съ собою въ могилу сердце, облитое слезами горести... О сонъ ужасный, сонъ

сбыточный! Неужели я долженъ разлучиться съ вами, не обручившись?

— „Я непоколебима, какъ та же любовь, которою вы сожигаете мои чувства!„отвѣчала Ольга.“ Укрѣпитесь Вѣрою и поѣзжайте въ армію. Богъ дастъ, мы еще доживемъ до радостнаго свиданія...“ —

Подобно путнику, застигнутому въ дебри ужасною бурею и, устремивъ на небо печальный взоръ, чистосердечно умоляющему Творца о спасеніи,—сидѣлъ передъ юною Искриною Денницкій, пораженный грустью. Ольга дала другое направ-

леніе разговору, и, казалось, не такъ была печальна, какъ Александръ. — Онъ разсѣянно внималъ слова ея и смотрѣлъ на нея взоромъ, какъ бы умоляющимъ о счастіи.

VI.

Былъ ясный день. Надъ полями, рѣками, въ рощахъ и садахъ спрятилась благотворная свѣжесть воздуха. Петербургъ, какъ молодость, кипѣлъ весельемъ... Все наслаждалось погодою, все радовалось; лишь Денницкій, не-

вольникъ думъ неутѣшныхъ, сокрушалъ себя тоскою.

Уединившись въ кабинетъ, онъ грустилъ о минувшемъ счастіи своего дѣтства, о потерѣ тѣхъ дней, когда его грудь не вздымалась отъ тяжкихъ вздоховъ; онъ грустилъ о жизни юношеской, не оживотворенной любовію Ольги; и, недовольный настоящимъ своимъ положеніемъ, безнадежно терялся мыслію въ будущемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ протосковалъ бы такъ все утро, если-бъ нить его задумчивости не была внезапно прервана посѣтившею его матерью.

Прочитавъ въ ея родительскихъ очахъ нѣжное участіе, онъ уже готовъ былъ снова мириться съ рокомъ; но, по несчастію, тогда же представился ему новый предметъ тягостнѣйшей горести.

Такъ бываетъ съ васильком. Отягченный дождевыми каплями, онъ, при восходѣ солнца, вспаетъ, распуская душистые листки свои; едва же подуетъ вихрь, онъ опять невольно склоняется на стебель.....

— „Ты все тоскуешь, другъ мой!“ ласково сказала своему сыну госпожа Денницкая, садясь подлѣ него.

„Любовь призвала васъ ко мнѣ;“ отвѣчалъ почтительно Александръ: „а я за любовь ропщу на судьбу свою.“

— „Можно ли быть столь слабу сердцемъ!“ возразила мать. „Утѣшься... Ольга права..... Время войны скоро пройдетъ.....“

Сынъ О, если бъ Варшава могла ускорить блаженство мое! Еслибъ соотчичи... Но нѣтъ! Ставъ неблагодарными къ Россіи, они сдѣлались и врагами ея.

Мать. Пора твоего блаженства наступитъ....

Сынъ. А можетъ статься, и нѣтъ.... Между тѣмъ за Вислою уже горитъ зарево брани, и Россія зоветъ насъ къ оружію.... О, какъ жестоко стану я сражаться съ мятежниками.

Мать. Какъ?.... Ты не хочешь оспаться при матери?.... Ты желаешь въ отчизнѣ своей....

Сынъ. Я обязанъ исполнить священный долгъ гражданина.

Мать. И ты рѣшишься оставить меня одну, полубольную?...

Сынъ. Вы желали отдалить отъ меня печаль; зачѣмъ же сами томитесь

ею?... Того нельзя отвратить слезами, что рокомъ предназначено...

Мать. Но ты такъ молодъ... Я не знаю, кто — безъ меня — будетъ твоимъ руководителемъ.

Сынъ. Не сокрушайтесь объ этомъ, матушка. Въ рядахъ Русскаго воинства всякъ можетъ вдохнуть въ меня мужество. Притомъ мнѣ очень памятны разсказы ваши о покойномъ батюшкѣ. Вы часто говорили, что онъ былъ храбръ; и такъ я послѣдую его примѣру въ этой добродѣтели: буду храбръ, какъ онъ.... О, прошу васъ, влейте еще разъ въ грудь мою

сладостное воспоминаніе о его подвигахъ! Этотъ неоцѣненный даръ наслѣдія, этотъ священной завѣтъ я понесу съ собою въ битву: быть можетъ, онъ разсѣетъ тоску мою.

Мать. Ты хочешь, чтобъ я сняла съ очей твоихъ повязку...

Сынъ. Что вижу?..... Вы плачете, матушка? Что значитъ печаль ваша?

Мать. Нѣтъ! Не могу и не должна я болѣе скрывать отъ сына убійственную повѣсть объ отцѣ его. Родитель твой живъ.....

Сынъ. Какъ?..... Батюшка живъ, говорите вы?..... Гдѣ онъ?

Мать. Въ Варшавѣ.

Сынъ. Въ Варшавѣ! — О злополучный сынъ! Вѣщее твое сердце не напрасно трепетало радостью и сомнѣніемъ!

Мать. И должно ему наконецъ узнать причину сколь часпю проливаемыхъ мною слезъ! Выслушай, другъ мой. — Мы жили въ то время въ Варшавѣ, когда были обрадованы твоимъ рожденіемъ. Не знали ни нужды, ни

суетности. Но между тѣмъ какъ я, въ быту супружескомъ, считала несчастіе за химеру, оно приготовило для меня странную пучину.... Родитель мой скончался, и тогда-то отецъ твой снялъ съ себя личину притворной ко мнѣ привязанности. Я ввѣрила ему, предъ алтаремъ, судьбу свою; я угождала ему, какъ брату.... А онъ.... Онъ промѣнялъ золотую цѣпь вѣчности за тяжкія вериги земнаго существованія. Злополучный отецъ твой любилъ уже не меня.... Онъ зналъ, что мнѣ было это извѣстно; но не хотѣлъ вниманіе мои убѣжденія и совѣты. Онъ покинулъ насъ на-

всегда и предался разсѣянію въ кругу людей безпорядочныхъ. Стыдъ и горесть снѣдали меня въ продолженіе цѣлаго года; и уже тогда, какъ на письмо мое отвѣчалъ онъ грубостями и отказался отъ единственнаго сына, я оставила Варшаву и привезла тебя въ Петербургъ.

Сынъ. Не облегчили вы сердца моего! И ежели батюшка живъ...

Мать. Не для тебя, другъ мой! Я недавно узнала, что онъ, обольстившись надеждами отечественной славы, соединился съ Варшавскими мятежниками.

Сынъ. О, зачѣмъ не умеръ я младенцемъ? Зачѣмъ узналъ онъ васъ эту ужасную тайну?....

Мать. Ты видишь, что страдальческія силы оставляютъ меня. Я слаба и слаба; и уже не много времени сулитъ мнѣ судьба для горестей, такъ давно ею опредѣленныхъ... Но если ты, воспламенившись войною, оставишь мать свою: можетъ быть, ты оставишь ея на вѣки..

Сынъ. Кто испытуетъ сердца наши, на Того и положимтесь.

Мать. Какъ можешь ты, послѣ словъ моихъ, спокойно говорить о

войнѣ? Какъ рѣшишься быть тамъ, гдѣ каждаго опорожишъ опасность лишишься жизни, и гдѣ невольно можешь ты быть убійцею несчастнаго твоего родителя?

Сынъ. Убійцею! .. Сколь ужасно ваше предсказаніе.... О, куда влечетъ меня непостижимый рокъ?.... Любовь.... родство.... чувство благодарности къ Россіи за драгоцѣнное перло ума.... Нѣтъ, матушка! Нѣтъ! Я непремѣнно долженъ совершить долгъ свой!.... Принявъ отъ васъ благословенье, въ тихой молитвѣ предамся власти Вседержителя и.... отъ-

правлюсь.... Да, я исполню это Мы призрѣны Русскими; самъ Государь заботился о моемъ воспитаніи.... Я клятву далъ.....

Сильно волнуемый тоскою, Деницкій не могъ кончить вдохновенной своей рѣчи. Онъ нѣжно цѣловалъ руки мамери и, вмѣстѣ съ нею, неутѣшно плакалъ.

Такъ осеннимъ вечеромъ стонетъ на прибрежной скалѣ унылая лебедь.

VII.

Ты любишь ли, пѣвецъ, тотъ день воспоминать,
Когда твоя мечта храмъ Славы созидала;
Друзей на пиръ войны Варшава призывала,
И шла на званый пиръ твоей отчизны рать?

Какой надежды благотворной
Исполненъ былъ тогда твой рѣзвый, пылкій умъ!
Сколь этотъ міръ, для суеты просторный,
Былъ тѣсенъ для твоихъ высокихъ чувствъ
и думъ!.....
Передъ тобой мужъ опыта маститый
Прощался съ воиномъ, его благословлялъ
И плакалъ: горестнымъ предчувствіемъ убитый,
Въ послѣдній разъ братъ брата обнималъ.....
Ты видѣлъ матерей тоскующихъ, унылыхъ;
И вздохи тяжкіе дѣвъ милыхъ,
И клятвы юношей внималъ!.....
Но ты былъ веселъ!.... Вдохновенный

Побѣдной славою страны своей родной,
Заранѣе ты праздновалъ душой
Паденье Польши возмущенной!

VIII.

Помнится, что 3-го Августа 1831 года, между Русскими войсками и Польскими мятежниками, происходило близъ *Шиманова* жаркое сраженіе. Участвуя въ немъ, Александръ Денницкій отличился примѣрнымъ мужествомъ и достойно оправдалъ носимое имъ имя Русскаго воина.

По окончаніи битвы, *Ура* ИМПЕРАТОРСКИХЪ гусаровъ не переставало гремѣть; и между тѣмъ какъ вечерняя заря тихо упадала за кровавое поле брани, тамъ и здѣсь покрытое трупами, — неподалеку отъ Русскаго стана, лежалъ на холмѣ израненый Полякъ. Его сѣдины обличали жизнь мужа; взглядъ былъ суровъ какъ рокъ; чело и грудь изрублены, и уста что-то невнятно произносили...

Кто, сострадательный, перенесъ несчастнаго, съ поля битвы, на этотъ уединенный холмъ? Кто къ больно-

му плѣннику простеръ руку помощи?.... Чей взоръ наблюдаетъ за нимъ?. ...

Полякъ лежитъ, истекая кровью, и нѣтъ надежды возвратить его къ жизни. Онъ открываетъ взоръ и, при видѣ Русскаго воина, сердце плѣннаго полумертвеца сильно трепещетъ. ..

Русскій Офицеръ, отирая свои слезы. Батюшка, это я съ вами!...

Полякъ. Ахъ, сжалься Русскій надъ умирающимъ.... Убей меня!.... Забывшись сномъ вѣчнымъ, я навсегда забуду порочную жизнь свою....

Русскій. Успокойтесь, батюшка!.... Узнайте меня... Не я поразилъ васъ....

Полякъ. Такъ облегчи хоть ты мои мученія!

Русскій. Успокойтесь!

Полякъ. Россія, великодушная Россія!... Ты берегла, какъ мать, драгоцѣнныя сокровища любви моей.... А я, недостойный ихъ.... неблагодарный.... Увы!.. Я тамъ пострадаю за всѣ свои беззакопія!...

Силы раненаго угасли: онъ умеръ; и пока надъ хладнымъ его трупомъ рыдалъ неутѣшный сынъ, въ Рус-

скомъ станѣ раздавались веселыя пѣсни и гремѣла музыка. —

Такъ судьба свела и разлучила Александра Денницкаго съ отцомъ. Юноша освѣдомился о немъ отъ другаго плѣннаго Поляка, въ томъ самый часъ, какъ наши гусары уже довершили надъ мятежниками побѣду, и въ рядахъ вѣнчанныхъ славою героевъ затихло громоносное *ура*. Но для чего узналъ Александръ объ отцѣ своемъ? Для чего перенесъ онъ израненаго на близлежащій холмъ? ... Возвративъ старца къ жизни, возрадилъ ли бы онъ Россіи вѣрнаго подданнаго, честнаго гражданина?...

IX.

Гордость есть источникъ глупостей. Для суетной мысли, безумецъ рѣшается попрасть законъ, совѣсть, добродѣтель; но силенъ ли онъ разрушить неразрушимыя оковы природы?... Зачѣмъ стремится онъ за предѣлы возможности, ищетъ для себя какого-то непонятно-независимаго состоянія? Можетъ ли, внѣ свѣта и умовъ, охраняющихъ его безопасность, обрѣсти гдѣ нибудь истинныя блага міра? Къ какой свободѣ, превосходящей свободу общественно — правительственную,

рвется онъ? Гдѣ думаетъ найти ея?... Въ самомъ сѣбѣ?... О жалкій рабъ суетности!... Обольщенный несбыточными надеждами, тщетно станетъ онъ срывать съ себя вериги плѣнной жизни: въ этомъ мірѣ умретъ злополучнымъ плѣнникомъ судьбы своей, а въ вѣчности, тѣмъ вѣрнѣе, не найдетъ воображаемой независимости. Но онъ неколебимъ: угрозы совѣсти для него тщетны; порывы необузданныхъ мечтаній увлекаютъ его за рубежъ вѣроятности; онъ не внимаетъ краснорѣчивому голосу опыта отдаленныхъ вѣковъ, голосу собственнаго своего сердца, и, съ убійственн-

пымъ оружіемъ, возсягаетъ на ближняго; въ неистовствѣ отнимаетъ у жены супруга, у матери сына; обагряетъ алтари кровію... И вопъ горькіе плоды искомой имъ независимости! Но когда станетъ приближаться часъ его смерти, спросите его: освободился ли онъ отъ тяжкихъ узъ совѣсти?...

Не таковъ Александръ Денницкій. Бывъ, такъ сказать, пожираемъ бѣдою, онъ не палъ духомъ предъ своею мыслію. — Онъ уважаетъ власть законную и братски обходится съ сослуживцами. Увѣренный, что къ счас-

стію ведетъ слава доблестей, онъ освоилъ умъ свой съ чувствованіемъ глубочайшей признательности къ благодѣтельной Россіи; любя ея непритворно, поражовалъ съ честію неустрашимаго воина; и сердце юноши, не обуреваемое гибельными страстями, чисто какъ сталь сабли, которая изъ бойкихъ его рукъ смертоносно дѣйствовала въ кровавой схваткѣ съ мятежниками. —

X.

Предсказанія поэта сбылись: Варшава пала! Какъ охотно оста-

лялъ ея Денницкій! Какъ далеко улеталъ онъ-съ пущи своего возвращенія-быстролетною, привольною думой! Онъ мечталъ: „Тамъ, гдѣ лазорсвыя Невскія воды плещутъ въ гранитныхъ берегахъ своихъ, гдѣ воздухъ свѣжъ, взоръ природы ясенъ, а человѣкъ исполненъ возвышенныхъ чувствованій: тамъ ждутъ меня - юная подруга и престарѣлая мать.... Скоро, несравненные, увижу я васъ! Скоро соединю любовь твою со своею, безцѣнная Ольга!... Но быть можетъ... О, зачѣмъ посѣщаете вы сердце воина, ужасныя мечты подозрѣнія? Ужели та непорочная дѣва перестала вос-

помнитъ обо мнѣ?... Наскучивъ продолжительною разлукой, ужели она нарушитъ обѣтъ свой и предастся другому?... Еслибъ убійственное сомнѣніе обмануло несчастнаго Александра: о, съ какою бы радостью, съ какимъ бы восхищеніемъ сталъ онъ тогда благодарить Ольгу за ея вѣрность!....»

Не переставая теряться въ подобныхъ мечтахъ, Денницкій продолжалъ обратный путь изъ Варшавы. Протекли недѣли, и онъ возвратился въ Петербургъ. Снова увидѣлъ въ немъ своихъ совоспитанниковъ;

знакомцевъ и друзей искреннихъ; обнялъ ихъ... Но онъ былъ не упѣшенъ, потому что не насладился свиданіемъ съ добродѣтельною своею матерью. Она, въ ожиданіи возлюбленнаго сына, истомясь горестными предположеніями о немъ и объ отцѣ его, переселилась изъ здѣшняго міра въ міръ лучшій, совершеннѣйшій. —

XI.

День медленно погасалъ надъ кладбищемъ; день довершалъ свое ше-

ченіе, слабо озаряя это обширное поле, изрытое человѣками для человѣковъ. —

Въ глубокой тоскѣ, сирота Денницкій шелъ по кладбищу, въ сопровожденіи дряхлаго дядьки, и безпрестанно его спрашивалъ: „Гдѣ же она?... Гдѣ пролью о ней теплую слезу и почту ея память цѣлебною для души молитвой?“ — Уже приближался Александръ къ той свѣжей могилѣ, гдѣ желалъ онъ и самъ опочить; уже подходилъ къ памятнику, какъ вдругъ взоръ его встрѣтилъ неожиданное зрѣлище уныніи... У этого, какъ ска-

запь, роднаго для него куска граниша, подъ липою, сидѣла — въ траурной одеждѣ — блѣдная дѣвица, и потоками слезъ, казалось, облегчала пѣснившее ея горе. Услышавъ позади себя шумъ шаговъ, она съ трепетомъ привстала, устремила на пришедшихъ печальный взоръ, и — въ этомъ Ангельскомъ взорѣ — невольно запылало невыразимое чувствованіе радости.

То была Ольга Искрина. — Александръ крѣпко прижалъ ея къ груди своей, и добрый слуга, въ смущеніи, внималъ разговоръ свидѣвшихся любовниковъ.

Ольга. Это вы, другъ мой?..... О благотворительный Боже!....

Денницкій. Такъ, Ольга, это я, поклонникъ вашъ, отверженный судьбою!.... Я пришелъ исполнить священный долгъ надъ прахомъ дражайшей матушки.... Но вы, прекрасная, скажите, зачѣмъ вы здѣсь были?.... Кто, милый вамъ, погребенъ подъ этою липою?.... О чемъ вы здѣсь грустили такъ уединенно?...

Ольга. Всякій день о васъ, всякій день о сиротствѣ вашемъ. — Помните ли, Александръ, надежды лучшихъ дней нашихъ?....

Денницкій. Снова прижавъ Ольгу къ сердцу, и цѣлуя ея руки. „Такъ еще есть мнѣ въ жизни утѣшеніе!.... Другъ вѣрный! —

Ольга. На могилѣ вашей матушки поклянемтесь сохранить до вѣка взаимную любовь!....

— „Да благословитъ васъ Господь Богъ!“ шепталъ дряхлый слуга, утирая свои слезы, и потомъ — вмѣстѣ съ юношами — преклонивъ колѣни, усердно молился объ успокоеніи души почившей его барыни. —

Конецъ перваго вымысла.

ВЫМЫСЕЛЪ ВТОРОЙ.

ЖЕНИТЬБА ПО ГАДАНЬЮ.

I.

О Святкахъ 1819 года, Владиміръ Кузмичъ Скакуновъ получилъ право на офицерскій мундиръ, и подорожную до мѣстечка Ж.....,

П . . . . . ской губерніи и уѣзда, гдѣ квартировалъ тогда его полкъ. Невозможность насладиться удовольствіями свѣта, въ которыя безъусый гусаръ только что вступилъ, разрушила его планъ времяпровожденія въ столицѣ. — Отдавъ прощальные визиты двумъ, тремъ знакомымъ, которыхъ онъ имѣлъ въ Петербургѣ, за неимѣніемъ родственниковъ, и которые, по расчетамъ хозяйственной Бухгалтеріи, проводили его не далѣе своихъ гостиныхъ — съ обыкновеннымъ флегматическимъ пожеланіемъ счастія, Скакуновъ прибылъ въ свою кварти-

ру для окончательныхъ приготовленій къ дорогѣ. — Собственныя его распоряженія и заботы были кончены. Съ словомъ: *поскорѣй*, дядька Семенъ, издавна привыкшій водить своего барина на помочахъ, поспѣшно уложилъ его небольшое имущество въ чемоданъ, а свой скарбъ въ сосновый сундукъ, расчитался съ хозяиномъ дома и побѣжалъ за лошадьми. —

Оставшись наединѣ, Скакуновъ крайне досадовалъ, что судьба назначила ему провести Святки въ дорогѣ, а не въ обществахъ. Маскировка, танцы, гаданья: вотъ что хотѣлъ онъ

видѣть, въ чемъ желалъ участвовать. «Странное дѣло,» думалъ онъ: „ быть въ Петербургѣ и не видѣть его. Что скажутъ мои сослуживцы, жители провинціи, когда на вопросы о столицѣ и ея новостяхъ, услышатъ отъ меня сухое: *не знаю.* — Нѣтъ, надобно, непремѣнно надобно чѣмъ нибудь ознаменовать свое пребываніе въ Петербургѣ, внѣ Кадетскаго корпуса.» — Подумалъ и рѣшился.

Хозяйская мебель, украшавшая комнату, гдѣ онъ впрочемъ размышлялъ, состояла, между прочимъ, въ большомъ зеркалѣ и ломберномъ столикѣ. Къ

свѣчкѣ, столвшей передъ зеркаломъ, присоединилъ онъ другую, догоравшую въ передней, придвинулъ къ столику стулъ и — сѣлъ гадать. «Правда,» мыслилъ онъ: «здѣсь недостаетъ куверіповъ; но я предоставляю другимъ ужинать во время гаданья.» — Сказать просто, Скакунову хотѣлось видѣть на самомъ дѣлѣ то, о чемъ другіе говорятъ отъ нечего дѣлать. — Въ терпѣніи не было недостатка у юноши, на присутствіе своего духа могъ онъ полагаться по неопытности и крайней рѣшительности; а на желаніе такъ рано любить и думать о любви — предоставляли ему право: доломанъ,

сабля, шпоры и будущіе усы. — После этого удивительно ли, что Владиміру Кузмичу вздумалось посмотрѣть на суженую?

Многіе основываютъ свои предразсудки на какомъ-то дѣйствіи Природы. — Есть сила, говорятъ они, могущая показать человѣку тайникъ его будущности, и утверждающая нить сочувствія друзей и любовниковъ, т. е. инстинктъ ихъ соединенія; и столкновеніе обстоятельствъ, по ихъ мнѣнію, зависитъ не отъ намѣреній, съ которыми мы дѣйствуемъ, но есть ни что иное, какъ игра той же

Природы. — Пусть такъ. Но эти таинственные доводы не разрѣшаютъ вопроса: какое вліяніе можетъ имѣть время на разумъ и воображеніе? Не по пословицѣ ли: утро вечера мудренѣе? — Я знаю оригиналовъ, которые днемъ разсуждаютъ краснорѣчиво и дѣйствуютъ съ геройскою рѣшимостью, а при свѣчкѣ, съ робостью дитяти, читаютъ или слушаютъ расказы о духахъ и привидѣніяхъ; и которые вечеромъ не любятъ уединенія не потому, чтобы оно было для нихъ неразлучно со скукою; но потому именно, что стукъ оконнаго ставня, вой собаки, жужжаніе

мухи, даже собственная тѣнь суевѣрныхъ, располагаютъ ихъ къ паническому ужасу.

Въ число подобныхъ трусовъ можно включить и Владиміра Кузмича. Расказы нянюшекъ о домовыхъ и привидѣніяхъ такъ врѣзались въ его память, что онъ былъ готовъ каждую нелѣпость признать за истину, но только не днемъ, а ночью. — Сидя предъ зеркаломъ, онъ созидалъ въ своей головѣ тысячу призраковъ, изъ которыхъ ни одинъ не представлялся ему въ стеклѣ. — Зрѣніе, постепенно при-

тупляемое лучами искусственнаго свѣта, или просто — свѣчки, и однообразнымъ положеніемъ стѣнъ, спульевъ и дверей, виднѣвшихся въ зеркалѣ, уже отказывалось ему служить; но рѣшимость говорила ему: *терпи*, и онъ, полусонный, продолжалъ гадать, облокотившись Утомленное воображеніе, безпрестанно мѣнявшее свои краски, дорисовывая ему безцвѣтную картину того положенія чувствъ, въ которомъ каждый изъ моихъ читателей нерѣдко застаетъ себя, отходя ко сну, — было уже готово бросить свою магическую кисть, какъ вдругъ послышался въ

комнатѣ легкій шумъ. Быстро пробѣжалъ иногда морозъ по жиламъ юноши. Онъ хотѣлъ обернуться, но его глаза встрѣтили въ зеркалѣ человѣческую фигуру. Онъ увидѣлъ передъ собою дѣвушку въ черномъ смуромъ капотѣ; русые волосы въ безпорядкѣ падали по ея плечамъ; а печальный видъ лица, на которомъ полуразвернулся цвѣтъ нѣжности, и блиставшія въ голубыхъ глазахъ слезы — свидѣтельствовали ея несчастіе. — „Не сонъ ли это?“ думалъ Скакуновъ, громко стуча зубами и отирая съ лица своего холодный потъ. Присутствіе духа измѣнило гадателю. Не

вѣря самому себѣ, онъ, какъ больной, вскочилъ со стула и, продолжая смотрѣть въ зеркало, закричалъ прерывающимся голосомъ: «Кого тебѣ надобно?» — Эти грубыя слова замерли на его устахъ. Отвѣта не было: призракъ уже исчезъ. —

Если бы всегда и вездѣ мужчины были въ такомъ нерасположеніи къ женщинамъ, и обратно; если бы олицетворенная любовь, вмѣсто чистыхъ, нравственныхъ наслажденій, представляла человѣку одни ужасы: гдѣ бы нашелъ онъ искру божественнаго огня, чтобъ отогрѣть свое

холодное сердце? Бѣдный Амуръ! Тогда бы удѣломъ твоимъ были тяжкія цѣпи, и отъ благословенныхъ береговъ Бельша, гдѣ такъ часто, такъ долго ты игрывалъ съ прелестными, ты бы невольно повлекъ эти гремучія оковы подъ знойное небо Юга, колыбель твоихъ несчастій. — А вы, богини земныхъ радостей! Вы бы не являлись въ мірѣ такими очаровательными призраками, предъ которыми благоговѣетъ пламенный сердцемъ Поэтъ-волшебникъ, а не легковѣрный юноша, подобный Владиміру Скакунову. Посмотрите, какъ смѣшонъ, какъ страненъ этотъ трусъ! —

„Кто тамъ?“ — глухо вскричалъ онъ, снова услышавъ въ передней шумъ. — Отвѣта не было.

„Кто тамъ?“ — повторилъ онъ громче, обнажая саблю — какъ-бы для защиты. —

На вторичный его огласъ, кашляя откликнулся возвратившійся дядька Семенъ.

Скакуновъ. Эхъ, братецъ, не откликаешься съ разу! Что ты тамъ дѣлаешь?

Семенъ. Знать свѣчка у васъ,

сударь: такъ въ семи ищу мѣста, гдѣ бы положить свою шенель. —

Сказавъ это, Семенъ вошелъ изъ передней въ комнату своего барина, чтобъ увѣдомить его о лошадяхъ; но, сверхъ чаянія, увидѣвъ его блѣднаго, какъ полотно, и съ обнаженною саблею, запинаясь спросилъ:

„Что вы это, сударь?“

Скакуновъ. (съ досадою.) Не твое дѣло! Готовы ли лошади?

Семенъ. Готовы — съ.

Скакуновъ. Такъ неси кладь въ сани. — Нѣтъ, постой! Прежде

дай мнѣ одѣться, а потомъ вмѣстѣ выйдемъ. —

Не разъ мнѣ случалось быть свидѣтелемъ приготовленія въ путь людей, обязанныхъ сдѣлать первый самостоятельный шагъ на поприщѣ жизни. Обыкновенно эти господа представляютъ себѣ поѣздку по столбовой дорогѣ ужаснымъ путешествіемъ, полагаютъ быть безпрестанно среди дремучихъ лѣсовъ, встрѣчать на каждой верстѣ разбойниковъ, и, въ предосторожность, всегда запасаются оружіемъ. Поздно опытность обличаетъ ихъ въ

легковѣріи; потому что опытность, какъ вы знаете, дается человѣку не вдругъ, а пріобрѣтается имъ въ теченіе времени.....

Надѣвъ, сверхъ сюртука, Калмыцкій шулупъ и шенель, Скакуновъ опоясался широкимъ патронташемъ, въ который были вложены два заряженные пистолета; въ лѣвую руку взялъ саблю, правою сотворилъ знаменіе креста, и, въ сопровожденіи слуги, вышелъ изъ квартиры. — Въ обшевняхъ, прикрѣпленныхъ къ тройкѣ коротконогихъ, разношерстныхъ лошадей, нашелъ онъ просторное

логовище для себя и своей сабли; усѣлся, и велѣлъ дядькѣ занять *почетное* мѣсто на бесѣдкѣ, а рыжебородому ямщику ѣхать. Послѣдній — сравнялъ коней ударомъ замерзлаго кнута; животныя двинулись и — снѣгъ захрустѣлъ подъ санями. —

II.

Не стану охлаждать вниманіе читателя подробнымъ изложеніемъ обстоятельствъ, въ которыхъ находился Владиміръ Кузмичъ на пути своемъ.

Важность, съ которою входилъ онъ, на станціяхъ, въ неопрятныя жилища смотрителей, и, освободившись отъ тягости тулупа и шенели, предъявлялъ тѣмъ, кого онъ видѣлъ, недавно сшитый форменный сюртукъ; его необходительность въ обращеніи съ хозяевами ночлеговъ; безпрестанно обнаруживаемая имъ глупость, когда, напримѣръ, садясь обѣдать или ужинать, или желая кончить вторую часть любопытнѣйшей книги: *Сонъ*, начатой имъ еще въ саняхъ, — клалъ онъ подлѣ себя оружіе; видъ значительности, съ коимъ принималъ отъ Станціоннаго смотрителя книгу и

украшалъ въ ней свою фамилію безполезными, крючковатыми росчерками; наконецъ, изъявленіе досады на необразованныхъ Архитекторовъ — крестьянъ, зачѣмъ они дѣлаютъ въ своихъ избахъ низкія двери и палати, такъ часто встрѣчавшіяся съ его лбомъ и заставлявшія его довольно почтительно кланяться православнымъ хозяевамъ: все это не относится къ главному повѣсти моей. — Увѣдомивъ читателя о томъ, что Скакуновъ благополучно пріѣхалъ въ полкъ, ласково былъ принятъ начальствомъ и сослуживцами и весело началъ

службу, — я сдѣлаю новый узелъ происшествій. — Впрочемъ въ моемъ разсказѣ не будетъ соблюдено, тягостное для автора и не необходимое для читателя, единство времени. —

Осенью 1821 года, въ свѣтлую ночь, ѣхала чрезъ городъ Р.....ямская кибитка. — Длинный, но низенькій волчокъ и занесенныя грязью рогожи, скрывали въ ней господина, который, судя по шенели и фуражкѣ лакея, сидѣвшаго на козлахъ, и по почтительной позиціи ямщика, былъ военный офицеръ. Лошади мчали кибитку, какъ бы желая убѣжать

отъ кнута, которымъ ямщикъ махалъ надъ ними; ихъ топотъ, звонъ колокольчика и шумъ колесъ — нарушали тишину пустыхъ улицъ. Уже зданія стали рѣдѣть, уже виднѣлось вдали поле, какъ вдругъ кибитка остановилась. —

„Что такое?“ грубо спросилъ, выглядывая изъ волчка, офицеръ, пробужденный внезапнымъ толчкомъ своего экипажа. —

— „Ослабла дуга, ваше благородіе“ — отвѣчалъ ямщикъ, слѣзая съ козелъ.

„ Какъ душно!“ — сказалъ, по нѣкоторомъ молчаніи, офицеръ, зѣвая и потягиваясь: „Гдѣ бы напиться чего нибудь?“ —

„ Въ эпу пору всѣ спятъ, сударь.“ — отвѣчалъ слуга. „Однако жъ попытаюсь достать.“ —

Тесовый домъ, пропивъ коего остановились путники, казался одною изъ едва — примѣтныхъ точекъ на окружности города Р..... Рука времени вдала его, до половины, въ землю; онъ былъ такъ вѣтхъ, что своимъ склоненіемъ подавлялъ

ворота срубленныя когда-то на скорую руку. Въ этомъ то жилищѣ слуга Офицера надѣялся выпросить для него ковшъ *чего нибудь,* и не ошибся. На его стукъ, калитка отворилась.... языки заговорили.

Когда, укрѣпивъ дугу, ямщикъ садился на козлы, къ кибиткѣ подошелъ возвратившійся слуга, въ сопровожденіи дѣвушки, которая имѣла въ рукѣ стаканъ квасу.

„Извольте сударь!“ сказалъ Семенъ своему барину. „Добрые люди не отказали.“

Полусонный офицеръ высунулъ изъ кибитки голову, и протянулъ руку; но взглянувъ на дѣвушку, онъ, какъ бы испуганный ея присутствіемъ, выхватилъ изъ ноженъ — бывшую при немъ саблю и, съ размаху, ударилъ ею бѣдную дѣвѣшку въ плечо. Стаканъ выпалъ изъ рукъ ея, и, заплакавъ, она побѣжала домой, стараясь удержать рукою кровь, струившуюся изъ раны....

„За что, сударь, вы ударили ее саблей? Вѣдь худо будетъ!“ — говорилъ офицеру удивленный слуга, занимая — указанное ему Форпуною—

мѣсто подлѣ ямщика:“ Пить не напились, да и спосибо-то ваше грѣшное.“ —

Офицеръ, дрожащимъ голосомъ. Не твое дѣло!

Слуга. Какъ же сударь? —

Офицеръ, закрываясь рогожами, ямщику. Чего ждать? Пошелъ! —

Кибитка покатилась.....

Что прикажете дѣлать съ людьми, у которыхъ руки замѣняютъ разсудокъ, и которые, въ минуты безпричиннаго сумазбродства,

забываютъ о правахъ и законахъ человѣчества? Уже ли должно на каждомъ шагу учреждать для нихъ суды и расправы?— Вы знаете, что преступленія не всегда настигаются; дуракамъ и злодѣямъ часто покровительствуетъ Фортуна. Неужели она будетъ столь несправедлива, что пощадитъ и этого преступника? —

III.

Жизнь извѣстнаго вамъ Владиміра Кузмича такъ разнообразна въ

происшествіяхъ; его фамилія: ***Скакуновъ*** — такъ немудрена, я хотѣлъ сказать: такъ легка, что произнося ее, невольно становишься жалкимъ игралищемъ воображенія, и дѣлаешь въ своемъ расказѣ смѣлые, рѣшительные скачки.

Усердная ли его 10-ти лѣтняя служба въ гусарскомъ полку, или другое какое обстоятельство — не знаю; только одно изъ этихъ обстоятельствъ было уважено начальствомъ; и съ прошлаго 1830-го года, уже не корнетъ, а его высокоблагородіе Г. Скакуновъ находится въ Петербургѣ.

Напрасно вы будете удивляться каждому юношѣ, видя его самодовольнымъ отъ того, что у него есть шпоры и сабля; ошибочно станете называть его Владиміромъ Кузмичомъ: безполезное удивленіе, тщетныя догадки! Скакуновъ, по роду своей новой службы, съ необыкновеннымъ равнодушіемъ оставилъ прекрасный доломанъ; шпага замѣнила ему саблю; онъ забылъ о шпорахъ и ментикѣ; эфемерныя мысли объ украшеніи наружномъ уже не занимаютъ его! — Онъ питается теперь одною существенностію, живетъ счастіемъ и для счастія милой своей супруги.

Одинъ изъ Сентябрскихъ вечеровъ 1830-го года проводилъ онъ у Разумова, съ которымъ свелъ короткое, искреннее знакомство, вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ. Небольшое общество, кромѣ его, составляли тогда: самъ Разумовъ и его юная воспитанница Ольга К..... — Чистосердечные разговоры, безпрестанно смѣняясь, какъ бы слились наконецъ въ одинъ предметъ. Рѣчь была о предстоявшемъ бракѣ Владиміра Скакунова съ Ольгою К....

Разумовъ. Скакунову. Другъ милый! Это послѣдняя жертва въ жиз-

ни моей. Ты видишь во мнѣ человѣка, котораго насильственный рокъ разлучилъ навсегда съ доброю супругой, отнявъ у него милыхъ сердцу дѣтей, и сдѣлавъ его совершенно безроднымъ; но который никогда не отказываетъ въ участіи другимъ страдальцамъ. — Взявъ Ольгу за руку. Эта дѣвушка призрѣна мною, какъ сирота, и должна принять отъ меня мои правила и мое имѣніе, какъ единственная моя наслѣдница! Прежде, нежели Всевышній благословитъ ваши сердца на вѣчное соединеніе, увѣрь меня, что ты всегда будешь достойнымъ ея другомъ, и благодѣтелемъ; дай мнѣ клят-

ву, что въ супружествѣ съ тобою, она не будетъ никогда приводить себѣ на память прежнихъ своихъ бѣдствій.

Владиміръ исполнилъ желаніе великодушнаго старца.

«Я говорю прежнихъ бѣдствій!» продолжалъ Разумовъ. «Ты незнаешь, какъ печально провела она первые пятнадцать лѣтъ своей жизни?» —

Скакуновъ былъ весь слухъ и умиленіе. Онъ молчалъ; а молчаніе есть знакъ согласія.

Разумовъ. Пусть она сама разскажетъ! — Обратившись къ Ольгѣ. Про-

сти, милая, друзей своихъ, что они просятъ тебя въ послѣдній разъ вспомнить о твоихъ несчастіяхъ.

Ольга, поцѣловавъ руку Разумова, начала такъ:

«Я родилась въ Петербургѣ. Виновники моей жизни, которыхъ лишилась я еще въ дѣтствѣ, не могли оставить мнѣ въ наслѣдство ничего, кромѣ доброй о себѣ памяти и благородныхъ правилъ, свойственныхъ ихъ званію. Не изъ жалости, не изъ примѣрнаго великодушія, нѣтъ! но для одного слова: *благодѣтель*, принялъ меня тогда старый Хвастуновъ на свое

попеченіе. Возможность жить въ совершенномъ довольствѣ и благотворить, обнаруживалъ онъ въ Петербургѣ только на словахъ, а переѣхавъ въ городъ Р....., таилъ ея опъ человѣчества въ низенькомъ, вѣтхомъ своемъ домикѣ, расположенномъ на самомъ концѣ города; говорятъ, однакожъ, что онъ слылъ за добродѣтельнаго человѣка. Жертвою его мнимой добродѣтели была я. Совершенное его невниманіе ко мнѣ, весьма тяготило мое сердце; но ни эта холодность, ни чорствая пища, ни однообразная суровая одежда — ничто такъ не разстроивало меня, какъ жес-

такое его обращеніе со мною. Приведу одинъ примѣръ. —

«Однажды, когда — мы жили въ городѣ Р....,— въ осеннюю ночь остановился противъ нашего дома проѣзжій офицеръ. По просьбѣ его слуги и по приказанію моего ложнаго благодѣтеля, я вынесла офицеру на улицу стаканъ съ питьемъ..... Не принявъ отъ меня стакана, офицеръ — безъ всякой причины — ударилъ меня саблею въ лѣвое плечо. Въ слезахъ прибѣжала я домой, надѣясь, что Хвастуновъ окажетъ мнѣ возможную съ его стороны помощь, и — какъ

ошиблась! — Жестокій человѣкъ, съ дикимъ хохотомъ, смотрѣлъ на мои слезы, и въ теченіе мѣсяца, пока рана моя проходила, онъ не только не изъявлялъ ни малѣйшаго участія въ моей болѣзни, но еще болѣе обнаруживалъ мнѣ свое равнодушіе. Судите, каково было мое положеніе!....

«Такъ провела я время до пятнадцатилѣтняго возраста, когда Небо послало мнѣ надежду и утѣшеніе въ добродѣтельномъ человѣкѣ.» — Разумову, цѣлуя у него руку. «Такъ, батюшка, вамъ, вамъ однимъ я обязана теперешнимъ своимъ благополучіемъ!»

Ольга замолчала. — Скакуновъ сидѣлъ какъ прикованный, всматриваясь въ черпы лица ея.

«Необыкновенная женщина, единственное созданіе благостпи Божіей!—» воскликнулъ онъ наконецъ, упавъ предъ Ольгою на колѣни и цѣлуя ея руки: «Забудьте поступокъ опрометчиваго юноши, который былъ виною одной изъ многихъ вашихъ горестей! Простите меня! Я тотъ самый офицеръ, которому въ городѣ Р..... вы приносили.....—»

Онъ не кончилъ. — Но въ послѣдствіи все объяснилось для Разумова,

Ольги, и — даже для него самаго. — Тогда-то Владиміръ постигъ, какимъ образомъ, назадъ тому десять лѣтъ, могъ ему явиться въ зеркалѣ образъ Ольги; онъ узналъ, говорю, что мнимый благодѣтель Ольги, Хвастуновъ, еще живя съ нею въ Петербургѣ, показывалъ ей, въ обращеніи, ужасные опыты своей суровости. Эта суровость, обыкновенно свойственная людямъ хладнодушнымъ, простиралась до того, что онъ налагалъ на Ольгу обязанности горничной. Посему-то она, бывъ однажды послана Хвастуновымъ къ его знакомкѣ, жившей въ одномъ домѣ съ Ска-

куновымъ, зашла, по ошибкѣ, вмѣсто третьяго этажа во второй, и въ ту самую квартиру, гдѣ предразсудокъ и страхъ — застали, передъ зеркаломъ, неопытнаго Владиміра, гадавшаго о своей суженой.

Конецъ втораго вымысла.

ВЫМЫСЕЛЪ ТРЕТІЙ.

СУМАСШЕДШІЙ.

I.

Разсѣянность — характеристика влюбленнаго. Привѣтливый взглядъ красавицы, ласковый ея разговоръ, откровенность и проч., обвороживъ

сердце пламеннаго юноши, соединяютъ всѣ его мысли въ одну, которою онъ вѣчно стремится къ идеалу своего счастія. Обожаемая имъ дѣвица ищетъ въ немъ совершенствъ; прочіе люди замѣчаютъ въ немъ странности: находятъ его иногда задумчивымъ, иногда вѣтреннымъ и всегда разсѣяннымъ.

Таковъ Александръ Тоновъ. Природа одарила его прекрасными способностями. Поэтъ-живописецъ, онъ отличается отъ многихъ любовниковъ постоянствомъ и тѣми благородными чувствованіями, которыя рѣдкая дѣ-

вушка умѣетъ цѣнить такъ, какъ Аделина Скромина, всегдашній предметъ его тайныхъ, возвышенныхъ пѣсней и магическаго карандаша или кисти. Онъ любитъ Аделину, и самъ любимъ ею; она признательна, онъ нѣженъ до разсѣянности.

Наканунѣ имянинъ Аделины, не помню въ какой день, Александръ оканчивалъ рисунокъ, какъ онъ сказывалъ, весьма для него нужный. Въ этомъ уединенномъ занятіи, онъ не примѣтилъ, какъ пролетѣло время до восьми часовъ вечера. Тогда онъ оставилъ карандашъ и поспѣшилъ въ

концертъ, гдѣ надѣялся увидѣть прелестную Аделину.

Очаровательный голосъ г-жи З.... еще не создавалъ гармоническихъ руладъ въ собраніи амателеровъ, когда Александръ вошелъ въ залу. Онъ искалъ взорами Аделину, нашелъ и привѣтствовалъ ея, какъ обыкновенно привѣтствуютъ любовники издали своихъ суженыхъ. — Что же Аделина? — Когда за учтивость Александра, она благодарила его легкимъ наклоненіемъ головы, яркій румянецъ запылалъ на щекахъ ея; и, печальная, сидѣла она въ креслахъ, потупя взоръ

и досадуя на бывшихъ съ нею подругъ, которыя, смотря на Александра, перешептывались между собою и смѣялись.

Самоувѣренность — общій недостатокъ людей. Подруги Аделины продолжали насмѣшки надъ ея любезнымъ, который тщетно искалъ тогда въ самомъ себѣ причину ея разстройства: въ вѣрности милой дѣвицы онъ не смѣлъ сомнѣваться, въ нарядѣ своемъ не находилъ ничего страннаго, а въ красивой наружности давно его увѣрили — зеркало и ласки Аделины. Въ послѣднемъ случаѣ,

видя улыбающихся ему дѣвицъ, Александръ могъ предполагать, что онъ имъ понравился; но каждый поворотъ его въ ту сторону, гдѣ сидѣла Аделина, стоилъ ему горькихъ насмѣшекъ постороннихъ людей; а невниманіе Аделины привело его въ такое недоумѣніе, что онъ нашелся принужденнымъ возвратиться домой.

Когда онъ выходилъ изъ залы, число смѣявшихся надъ нимъ увеличилось.

Представьте себѣ любовника, который, стоя передъ зеркаломъ,

смѣется надъ собою, какъ говорится, отъ души; вспомните начало моего расказа, и вы узнаете въ этомъ юношѣ — Александра, который наконецъ догадался, почему Аделина за него краснѣла, между тѣмъ какъ другіе посѣтители концерта обратили на него особенное вниманіе. Спѣша на свиданіе съ Аделиною, разсѣянный живописецъ забылъ посмотрѣться въ зеркало, и явился публикѣ съ замаранным лицемъ.

Въ день своихъ именинъ Аделина съ нетерпѣніемъ ожидала Александра, который, съ своей стороны, по-

спѣшилъ поздравить ея съ Ангеломъ и объяснить вчерашнюю свою неосмотрительность. «Этотъ рисунокъ,» говорилъ онъ, подавая Аделинѣ прекрасно сдѣланный ея портретъ: «этотъ рисунокъ лишилъ меня счас-«тія насладиться съ вами вчерашнимъ «концертомъ. Я былъ черенъ отъ «карандаша, которымъ оканчивалъ «вашъ портретъ, и, находя въ своемъ «занятіи особенное удовольствіе, со-«всѣмъ не ожидалъ, чтобъ любовь об-«винила меня въ невозможности пере-«дать бумагѣ розы, такъ живо раз-«вернувшіяся вчера на лицѣ вашемъ.»

Поздравителей, кромѣ молодаго Тонова, было въ домѣ Скроминыхъ не много, и тѣ находились съ родителями Аделины въ гостиной. Зала же была пуста до тѣхъ поръ, пока не пріѣхалъ Александръ. Въ этой-то комнатѣ, стоя передъ именинницею въ положеніи живописца, вдохновеннымъ взоромъ созерцающаго оживляемое имъ полотно, Александръ произносилъ свою тираду голосомъ стихотворца, будто декламируя печальную балладу. Онъ такъ предался разговору съ дѣвицею Скроминой, что не замѣтилъ минутнаго присутствія постороннаго человѣка, который, вы-

сунувъ изъ гостиной голову и, съ любопытствомъ недремлющей ревности взглянувъ на любовниковъ, снова скрылся въ гостиной.

II.

Знавшіе этого посторонняго человѣка — называли его Алексѣемъ Грустнкинымъ, а видѣвшіе — замѣчали въ немъ признаки ипохондріи. — Въ толпѣ искателей земнаго счастія, онъ одинъ представлялъ собою панораму испытаній; и, столь же благовоспитанный, какъ вы, почтенный читатель, былъ неудачнѣе васъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Вотъ тому доказательства.

Въ дѣтствѣ, прокладывая себѣ тропинку къ самодовольству, онъ увидѣлъ впервые повязку на глазахъ Плутуса въ тотъ моментъ, когда этотъ хитрецъ съ коварною улыбкой сказалъ ему: *ты сирота*! — Мысль о потерѣ родныхъ — развила въ Алексѣѣ охоту къ наукамъ; науки освоили его съ сидячею жизнью, а сидячая жизнь, разстроивъ его здоровье, сдѣлала неспособнымъ къ военной службѣ. По этой причинѣ началъ онъ юность въ храмѣ Фемиды. — Хотя богиня и не имѣетъ привычки завязывать безсмертныя свои очи тряпьемъ человѣческой промышленности; но ей, по-

чему-то, приходитъ смертная охота закрывать ихъ на крѣпкій сонъ почти во все продолженіе суточнаго обхода земли около солнца: ужъ не зрѣлище ли грѣшнаго свѣта наводитъ на нея такую дремоту!..... Почивая ли въ тотъ моментъ, когда Грусткинъ стучался въ златокованныя двери ея храма, или уже отходя на безмятежный отдыхъ отъ неисчерпимыхъ людскихъ несправедливостей, повелѣвала она своимъ жрецамъ взвѣсить способности Алексѣя и назначить ему приличный постъ; только господа исполнители приказаній Фемиды, узнавъ что новичекъ бѣденъ и не имѣетъ

покровителей, опредѣлили его на *сверхштатное мѣсто*..... Дѣлать было нечего; и — другъ благоразумія — терпѣніе служило иногда Грустькину единственною подпорою его надеждъ утѣшительныхъ. — Внѣ службы, къ которой онъ такъ радѣлъ, но которая казалась ему довольно неблагодарнымъ ремесломъ, искалъ онъ разсѣянія въ обществахъ, гдѣ не однажды испыталъ, что лады дружества, подобно инструментальнымъ, могутъ отъ постороннихъ причинъ возвышаться и понижаться; и гдѣ, не нашедъ пріятной пищи для ума, онъ, быть можетъ, уже по неволѣ сталъ

искать лучшаго источника для жизни своего сердца, постепенно рокомъ располагаемаго къ меланхолическимъ чувствованіямъ.

По странным стеченіямъ обстоятельствъ, неудачи не оставляли бѣднаго юношу. Аннета С....., съ которою онъ,—возлелѣявъ въ груди своей сладостнѣйшія ощущенія,—провелъ до пятидесяти пятницъ, разсудила обнять другаго юношу, у коего на плечахъ и на шеѣ такъ красиво лежало золото. — Потомъ сестра Аннеты, преемница ея дѣвственныхъ мечтаній, миловиднѣе ея лицемъ, гиб-

че сердцемъ и хитрѣе умомъ, — юная Юлія, говорю, поигравъ съ Алексѣемъ въ пузырный мячъ притворной своей любви, бросила эту игрушку въ тщедушнаго комиссіонера, который всѣ свои способности непостижимо сосредоточилъ въ чувствѣ осязанія, и широкою ладонью, почернѣвшею отъ ржи ходячихъ монетъ, искусно скрылъ темную плеву души своей отъ взоровъ людей, разсуждавшихъ съ нимъ въ часы досуговъ или службы. — Третій опытъ любви Алексѣя кончился тѣмъ, что избранная имъ дѣвушка изчахла отъ неумѣреннаго танцованія. И хотя, съ ея смертію, чело

Грусткина подернулось мрачною пу-
чею ипохондріи; однако жъ сердце юно-
ши, еще не закованное въ цѣпи кляпъ,
все спремилось къ любви супружес-
кой, желая, вмѣстѣ съ чистыми
ощущеніями взаимности, поглотить
въ себя прискорбное чувствованіе оди-
ночества, порождаемое убійственною
мыслію о сиротствѣ его. — Случи-
лось, что Алексѣй познакомился съ
родителями Аделины; ее

Увидѣлъ, полюбилъ
И — все забылъ!

Аделина находила довольно привле-
кательною — наружность Грусткина

и очень образованнымъ — его умъ; и потому обращалась съ нимъ всегда обходительно. Но эта обходительность выражала только знаніе свѣтскихъ приличій, обыкновенный долгъ гостепріимства, а отнюдь не предпочтеніе, которымъ Алексѣй могъ бы торжествовать надъ прочими посѣтителями семейства Скроминыхъ. Между тѣмъ ему казалось, что онъ былъ любимъ Аделиною; и какъ ея физическія и моральныя качества имѣли силу обворожительности, то онъ и рѣшился, во что бы ни стало, чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ снова испытать свое счастіе.

Время проходило. Въ домѣ Скроминыхъ, Алексѣй познакомился съ Александромъ Тоновымъ, если не болѣе его любившимъ Аделину, покрайнѣй мѣрѣ имѣвшимъ болѣе средствъ для поддержанія любви своей. — Онъ былъ вездѣ, гдѣ ни являлась Аделина: въ концертахъ, театрахъ, на балахъ; бѣдный же мой сироточка, для насыщенія своего сердца, не находилъ другой возможности, какъ разъ въ недѣлю пѣшечкомъ посѣщать магнетически привлекательное семейство Скроминыхъ. — Эта разностепенность средствъ — не сводила ихъ обоихъ на пунктѣ соперничества: въ теченіе

нѣсколькихъ мѣсяцовъ: ибо Алексѣю и Александру столько во дни перваго ихъ знакомства случилось свидѣться въ домѣ Скроминыхъ.

Привязанность двухъ мужчинъ къ одной женщинѣ не ускользнула однако жъ отъ наблюдательныхъ взоровъ праздной молодежи, навѣщавшей это семейство. Одни смѣялись надъ пройственностію любви, для нихъ непонятной; другіе, перешептываясь, ждали съ нетерпѣніемъ развязки; нѣкоторые, молча, подсматривали за любовниками; иные, наконецъ, смотря на нихъ, сами задумывались. Но

въ числѣ такихъ замѣчателей былъ человѣкъ не безъ достоинствъ, гражданскій сослуживецъ Алексѣя, расположенный къ нему дружески. Имѣвъ случаи видѣть и слышать, что Аделина предана сердцемъ Александру Тонову, онъ рѣшился вывести своего товарища изъ заблужденія, и — наединѣ открылъ ему истину.

Въ положеніи полубольнаго находился Алексѣй, внимая рѣчь своего добраго товарища: не хотѣлъ ему вѣрить, но слушалъ его, не прерывая; отчаявался и сомнѣвался. — «Съ завтрашняго дня» — сказалъ онъ, прово-

жая сослуживца: «съ завтрашняго дня стану я отыскивать, въ обращеніи Тонова съ Скроминою, той искренности, которая, по твоему мнѣнію, должна быть странною преградою надеждъ моихъ.»

Какъ придумано, такъ и начато. На другой день, послѣ свиданія съ департаментскимъ товарищемъ, въ 12 часовъ утра, Алексѣй отправился изъ должности къ Александру, такъ часто его просившему къ себѣ въ гости. Сдѣлавъ визитъ Тонову, Грусткинъ надѣялся въ разговорѣ съ нимъ открыть на первый разъ хотя легкій

слѣдъ къ источнику дѣйствительной любви его. Подобно охотнику, пробирающемуся въ тѣснинѣ густаго лѣса, Алексѣй желалъ сперва раздвинуть вѣтви Александровыхъ чувствованій, чтобъ, такъ сказать, посмотрѣть, нѣтъ ли, въ самомъ дѣлѣ, за этими вѣтвями— потаеннаго логовища змѣи, лисицы или тетерева; потомъ, предполагалъ онъ, въ другой визитъ, продолжитъ свое любопытство; а въ третій надѣялся уже обстоятельно узнать, соперника ли для себя имѣетъ онъ въ Александрѣ, или просто откровеннаго знакомца. — Основавъ въ мысляхъ такой планъ испытаній,

юный Грусткинъ пришелъ въ квартиру Тонова, и — не застaлъ его дома. Хотя это неудачное посѣщеніе и показалось Алексѣю непріятнымъ; однако жъ онъ, не полагаясь на память слуги, разсудилъ оставить пріятелю записочку, изъ которой бы тотъ узналъ, что у него былъ такой-то неожиданный посѣтитель. — И такъ, спросивъ у лакея клочекъ чистой бумаги и чернилъ, Алексѣй, не снимая шенели, вошелъ въ залу. Въ ней, на стѣнахъ, висѣли тамъ и тамъ конченныя и неконченныя картины; на стульяхъ и креслахъ лежали слѣпки рукъ и ногъ, краски и черепки, рас-

печатанные пакеты и фигурально свернутыя цидулки; столы и диванъ были завалены папками, книгами и бумагою разныхъ цвѣтовъ и форматовъ, исписанною вдоль и поперегъ стихами и прозою; а посреди залы, на мольбертѣ, лежалъ мастерски нарисованный портретъ какой-то женщины. Все возвѣщало — въ этой комнатѣ — трудолюбіе; вездѣ были примѣтны слѣды безпорядка, явныя доказательства вѣтрености или разсѣянности хозяина.

Слуга, подавъ Алексѣю листъ бумаги и чернилицу, выходитъ изъ залы.

Въ то же время господинъ гость садится, пишетъ; потомъ встаетъ и, недовольный собою, хочетъ оставить квартиру Тонова. Но этотъ мольбертъ бросается Алексѣю въ глаза. Онъ подходитъ къ нему съ видомъ возбужденнаго любопытства; смотритъ на холстъ, магически скрытый въ краскахъ творческою рукою художника — поэта; и — представьте удивленіе зрителя, такъ неожиданно, такъ сильно пораженнаго этимъ бездушнымъ холстомъ!..... На портретѣ была изображена Аделина Скромина, та самая Аделина, которую доселѣ онъ обожалъ, которую

любилъ отъ искренняго сердца. — Слова сослуживца какъ разъ припомнились тогда Алексѣю: невыразимая тоска запала въ грудь его и по жиламъ пробѣжалъ холодъ ревности. Трепещущею рукою снялъ онъ съ мольберта досадный портретъ и спряталъ его подъ шенель; потомъ взялъ со стола свою записку и, положивъ ея въ карманъ, вышелъ изъ квартиры Тонова, отрывисто сказавъ простоволосому слугѣ: «кланяйся своему барину!»

Не извѣстно, гдѣ находился тогда Александръ Тоновъ; извѣстно однако жъ, что онъ, по возвращеніи до-

мой, не нашедъ портрета Аделины, такъ удачно отдѣланнаго ко дню ея именинъ, обратился съ распросами къ слугѣ. Этотъ отвѣчалъ, что былъ какой-то баринъ — въ шенели, и оставилъ записочку. Но Александръ никакъ не могъ добиться отъ ротозѣя, кто именно приходилъ и куда дѣлась записочка.... Какъ бы то ни было, время досады на неизвѣстнаго похитителя прошло, и черезъ два дни, на мольбертѣ лежалъ другой портретъ Аделины, вновь нарисованный, — но уже не красками, а карандашемъ.

Въ теченіе этихъ двухъ дней похититель портрета подвергся ужас-

ному боренію чувствованій. Его унылая задумчивость превратилась въ родъ сплина: несвязныя мечты подозрѣнія и отрады толпились въ головѣ, утѣшительная надежда и убійственная безнадежность попеременно волновали его душу. Почти безпрестанно вертѣлъ онъ въ рукахъ своихъ образъ любимой женщины; говорилъ съ нимъ, бросалъ его на полъ, прижималъ къ сердцу; и, въ положеніи человѣка, исперзаннаго непреодолимою грустію, ждалъ съ нетерпѣніемъ дня, въ который бы могъ онъ навѣрное свидѣться съ Александромъ и еще

разъ увѣриться въ истинѣ словъ своего сослуживца.

Ожидаемый день насталъ. Это былъ описываемый день именинъ Аделины.

Принявъ отъ поздравителей добрыя пожеланія, она, въ тонѣ обращенія съ ними, какъ и всегда, никому не оказывала особеннаго предпочтенія. Съ однимъ— ласково разсуждала о погодѣ, другому — съ тою же обходительностью разсказывала о вчерашнемъ концертѣ, третьяго— столь же вѣжливо распрашивала о новостяхъ;

словомъ, она казалась одинаково расположенною ко всѣмъ, ко всѣмъ..... даже и къ Алексѣю Грусткину, который за такую безотчетную привѣтливость именинницы, крайне досадовалъ на нея. Когда же пріѣхалъ Александръ Тоновъ, — разочарованный Алексѣй вполнѣ постигъ чувства Аделины. — Сидя въ гостиной у дверей, онъ, насупивъ брови, вслушивался въ чистосердечный разговоръ юной красавицы съ Александромъ, споявшимъ, какъ я сказалъ, передъ нею въ залѣ, близь форпіанъ. Желаніе прервать разговоръ любовниковъ, уже для Алексѣя ненавистныхъ,

побудило его взглянуть на нихъ изъ гостиной. Онъ высунулъ въ залу свою голову, но былъ невидимъ: бесѣда счастливцевъ продолжалась; и— разстроенная голова ипохондрика опять скрылась въ гостиной.

III.

Пока восторженный Александръ наслаждался съ Аделиною удовольствіемъ искренняго разговора, унылый Алексѣй строилъ для нихъ въ головѣ своей ковы мести. Сиротство,

бѣдность, неудачи по службѣ и тяжкія испытанія въ дружествѣ и любви: все это помрачило его вспревоженныя чувства. Онъ не внималъ толкамъ гостей, смѣху хозяевъ; на вопросы посторонняго — отвѣчалъ холодно; самъ ни къ кому не обращался съ вопросами; короче сказать, онъ, находясь посреди людей веселящихся, представлялся человѣконенавистникомъ.

Такъ провелъ онъ время до вечера. Вечеромъ, простившись съ хозяевами дома и гостями, и, выходя изъ залы, вызвалъ онъ Александра въ

переднюю. «Ты подлецъ!» — сказалъ гробовымъ голосомъ Алексѣй недоумѣвающему своему сопернику: «Ты сталъ врагомъ пріятеля, разорвавъ цѣпь любви его къ Аделинѣ..... Готовься выдержать пулю мою. Завтра, въ 9 часовъ вечера жду тебя на Волковомъ полѣ.» — Послѣ того онъ вышелъ изъ дома. —

«Сумасшедшій человѣкъ!» вскричалъ со смѣхомъ Александръ, возвращаясь въ залу. — Нежданный вызовъ на поединокъ не сдѣлалъ на него никакого впечатлѣнія, потому что онъ отъ природы разсудителенъ и

не робокъ. — Нѣкоторые изъ гостей любопытствовали узнать, за что онъ такъ побранилъ Грусткина; но онъ, продолжая смѣяться, не отвѣчалъ на ихъ вопросы. — Однако жъ онъ не почелъ за нужное скрывать этого обстоятельства отъ Аделины, которая, слушая его, также не мало смѣялась; а наслушавшись довольно, вдругъ впала въ печаль.

«И вы рѣшитесь удовлетворить вашего сумасшедшаго врага?» спросила она Александра, прощаясь съ нимъ послѣ ужина.

«Непремѣнно; и, по его желанію, завтра же!» отвѣчалъ Тоновъ съ видомъ равнодушія. «Мнѣ честь велитъ наложить на уста этого негодяя смертную печать скромности.»

Они разстались.

Твердость Александрова характера была очень извѣстна Аделинѣ; и эта-то твердость юноши, такъ нѣжно любимаго слабою дѣвушкою, поселила въ ея душѣ чувствованіе опасенія. Она провела ночь въ грустныхъ мечтахъ о миломъ, не переставая плакать; а на утро слѣдующаго дня впала въ забывчивость, и

грезы горячки совершенно запмили ея память.

Аделина заболѣла.

Александръ же, съ неизмѣннымъ присутствіемъ духа, проводилъ наступившій день въ обыкновенныхъ своихъ занятіяхъ; и получилъ извѣстіе о недугѣ Аделины за часъ до назначенной поры дуэли. Сила любви побѣдила на минуту чувствованіе благородной гордости; и онъ, вмѣсто Волкова кладбища, разсудилъ отправиться къ больной Аделинѣ, не забывъ послать къ своему сопернику записочку слѣдующаго содержанія: «Ты ска-

«залъ: *завтра;* а я скажу: *нѣтъ.* «Не смѣй однако жъ ласкать себя «вздорными мыслями: ты каждый часъ долженъ съ трепетомъ ожидать своей «смерти..... Мнѣ теперь не до глупцовъ!» —

Между тѣмъ покойники Волкова кладбища, въ пухъ разряженные на радостный праздникъ Вѣчности, умно и чинно лежали въ предназначенныхъ имъ могилахъ. День нашего міра протекъ для нихъ невидимо; а въ 10 часовъ вечера полный мѣсяцъ освѣщалъ надъ ними землю, тамъ и тамъ усѣянную надгробными памятниками.

Погода была тиха— какъ мертвецъ, и тепла— какъ слеза поминовенія. Широкое поле человѣческаго разтлѣнія не оглашалось карканьемъ вороновъ, и лишь при входѣ въ это поле — глухо раздавались голоса двухъ суетныхъ жильцовъ грѣшнаго свѣта, сидѣвшихъ — другъ противъ друга— на хладныхъ обломкахъ камней.

—«Что ни говори,» продолжалъ одинъ изъ собесѣдниковъ «а, кажется, Тоновъ раздумалъ съ тобою драться. Посмотри: вѣдь уже половина одинадцатаго часа. Худой миръ луч-

ше доброй ссоры. Пойдемъ—ко, любезный, домой.»

«Больно благомыслящему человѣку, однако жъ должно думать, что этотъ мерзавецъ спрусилъ.»— подхватилъ голосомъ отчаянія другой, вставая и взявъ съ гранита свои пистолеты. «Но онъ не скроется отъ меня и въ спальнѣ своей возлюбленной. Здѣсь, надъ прахомъ тысячи безмолвныхъ свидѣтелей моего тщетнаго ожиданія, моего несчастнаго одиночества и незаслуженныхъ мною бѣдствій, — клянусь влѣпить въ черепъ разрушителя надеждъ моихъ —

роковую, обѣщанную пулю. Пойдемъ.»

Въ этомъ грозномъ произносителѣ клятвы легко узнать Алексѣя Грусткина. Товарищемъ же его былъ тотъ самый чиновникъ, который открылъ ему тайну любви Аделины къ Александру.

Возвратившись домой, Алексѣй — съ нетерпѣніемъ разъяреннаго тигра — распечаталъ Александрову записку и быстро пробѣжалъ ея взоромъ негодованія. «Дерзновенный!» вскричалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу такъ,

что стоявшая на немъ свѣча, упавъ на полъ, погасла. «Губитель невинной души моей! Я докажу тебѣ свою настойчивость..... Завтра же утромъ увидишь ты у своей постели неотступнаго, неумолимаго мстителя..... Да, завтра, этою трепещущею рукой сниму я съ твоихъ щекъ послѣдній поцѣлуй коварной женщины, и положу тебя не подлѣ нея.... не на брачный одръ.... нѣтъ, негодяй!..... Я положу тебя мертваго къ ногамъ своимъ.....!»

Порывы чувствъ такъ его раздражили, что онъ, не поднявъ свѣчи,

и не снявъ съ себя платья, бросился — какъ больной — на диванъ, и встревоженныя его страсти непримѣтно перелились въ сновидѣніе.

Въ 9 часовъ наступившаго утра, запасшись парою заряженныхъ пистолетовъ, отправился Грусткинъ къ Тонову; но, по счастію, не засталъ его дома.....

Въ четыре слѣдующіе дня, прогулки Алексѣя до Александровой квартиры были такъ же неудачны. И это—то самое болѣе и болѣе

выводило изступленнаго юношу изъ предѣловъ здраваго разсудка.

Напослѣдокъ, въ пятый день утромъ, не заставъ Тонова дома, Алексѣй опправился въ домъ Скроминыхъ, въ надеждѣ найти тамъ Александра и его смертію уполить жаръ нѣколебимаго своего духа. Глаза несчастнаго были мутны, лице блѣдно и худо, члены слабы; но въ груди, какъ разпопленный свинецъ, кипѣла кровь и давила легкія всею своею тяжестью. — Пистолеты хранилъ онъ подъ шенелью, въ карманахъ сюртука; а потому никто и не могъ

подозрѣвать въ немъ преступнаго искателя жертвы.

Вошедъ въ переднюю дома Скроминыхъ, Грусткинъ поспѣшно сбросилъ съ себя шенель и, запустивъ руки въ карманы сюртука, уже хотѣлъ броситься въ залу, какъ дверь отворилась и взорамъ его представился плачущій Александръ Тоновъ.....

—«А! Ты здѣсь!.....» вскричалъ Алексѣй съ дикимъ хохотомъ, одною рукой схвативъ Александра за грудь, а другою вынимая пистолетъ.....

«Злодѣй! Уже ли ты не доволенъ одною жертвою?» прервалъ, печальнымъ голосомъ, встревоженный до глубины души, Александръ, отворяя двери. «Возьми ея!.... Вотъ она!.... Та, которой ты лишилъ меня!....»

При этихъ словахъ, послѣдняя искра человѣческаго любопытства сверкнула въ очахъ изступленнаго Алексѣя, и онъ — съ бѣшенствомъ ворвался въ залу. Посреди ея стоялъ на столѣ розовый гробъ, изъ котораго былъ видѣнъ безжизненный ликъ угасшей Аделины. Вокругъ бездушнаго трупа шѣснились родные, и всеоб-

щая грусть свидѣтельствовала драгоцѣнность потери.

«Гдѣ я?..... Аделина!..... Боже мой! Что я сдѣлалъ?» вскричалъ обезпамятѣвшій Алесѣй, увидѣвъ печальное зрѣлище смерти — существа, имъ любимаго. Мгновенно выскочилъ онъ изъ дома, безъ шляпы и шенели, и бѣжалъ по улицѣ опромепью, повторяя слова: «что я сдѣлалъ!..... Боже мой!»

Злополучный юноша былъ пойманъ и заключенъ въ домъ умалишенныхъ.

Недавно видѣлъ я Александра Тонова на Волковомъ кладбищѣ. У меня не стало словъ для утѣшенія бѣднаго поэта-художника, не стало слезъ для утоленія тоски его..... Онъ безпрестанно преклонялъ колѣни близь двухъ свѣжихъ могилъ, недалеко одна отъ другой находящихся,

и взоромъ, исполненнымъ необоримыхъ душевныхъ мукъ, казалось, просилъ милосердое Небо, чтобъ оно дало ему въ безмятежномъ своемъ лонѣ пріютъ отъ горестей здѣшняго міра.

«Другъ мой! Къ кому возсылаешь ты напрасные стоны свои?....» спросилъ я Тонова голосомъ непритворнаго участія.

— «Къ кому!..... Къ кому!.....» возразилъ неутѣшный Александръ,

обливаясь слезами: «О, не мѣшайте мнѣ умолять Аделину и Алексѣя о прощеніи!.... Я убійца ихъ!....»

Конецъ третьяго вымысла.

ВЫМЫСЕЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВЫМЫСЕЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Статья I. — ЗАКЛАДЪ.

«Скоро полночь..... Иванъ! поставь цѣлыя свѣчи въ новые шандалы..... Потомъ подай мнѣ новый фракъ.....

Да не забудь самъ надѣть праздничное платье.» —

Такъ говорилъ, на канунѣ 1-го Генваря, Крапинъ своему слугѣ, въ надеждѣ встрѣтить новый годъ въ пріятельской бесѣдѣ. Было девять часовъ вечера. Добрый слуга поспѣшилъ выполнить приказаніе своего господина, и былъ уже готовъ отвѣчать каждому гостю положительнымъ: *дома-съ*, какъ въ передней раздался звонъ колокольчика. Двери настежъ. Три щеголя, какъ вороны, влетѣли въ квартиру Крапина, который важно сидѣлъ въ кабинетѣ за

книгою, будто бы читал и ничего не слыша.

Въ наше время немногіе слѣдуютъ старинному обычаю,—проводить послѣдніе часы года въ кругу семейномъ или дружескомъ,— отъ того, что въ жизни большей части людей, какъ въ модномъ романѣ, только завязка происшествій бываетъ занимательна, и почти каждый, торопясь опередить Сатурна на дорогѣ къ Вѣчности, начинаетъ новый годъ лучше, нежели оканчиваетъ.

Это краткое отступленіе сдѣлано для предупрежденія читателя въ

пользу Крапина, который, свято почитая старину, не отступаетъ и отъ современныхъ обыкновеній. Не желая быть выключеннымъ изъ числа *любезныхъ людей*, онъ пригласилъ къ себѣ пріятелей на вечеръ 31 Декабря, а для *тона*— украсилъ себя и квартиру свою обновками.

Онъ и его гости проводили канунь новаго года такъ же, какъ и многіе проводятъ. Но вотъ отрывокъ изъ ихъ шумныхъ разговоровъ.

«Знаете ли, господа!» говорилъ Крапинъ, смотря на часы, которые показывали уже три четверти двѣнадцатаго. «Знаете ли, какая пре-

восходная мысль родилась теперь въ умѣ моемъ?»

—«Вотъ забавникъ!» подхватилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, Лелинъ: «Хочетъ, чтобъ знали, о чемъ онъ думаетъ!»

«Вѣрно ни о чемъ!» сказалъ съ улыбкою другой, по фамиліи Причудинъ.

—«Если тайна,» возразилъ третій, Каменовъ: «ты можешь ее скрыть отъ насъ; если нѣтъ: за чѣмъ же дѣло стоитъ? Говори.»

Крапинъ. У друзей не можетъ быть тайнъ. Послушайте. Каждый

изъ насъ долженъ будетъ завтра дѣлать поздравительные визиты къ начальникамъ, родственникамъ, знакомымъ; слѣдственно, можетъ получить порядочный запасъ новостей для будущаго нашего свиданія. А какъ новый годъ всегда ознаменовывается новостями: то согласимтесь замѣчать, между прочимъ, какіе новые образцы характеровъ представятъ намъ общества.

Лелинъ. Ты полагаешь, что въ одну ночь люди могутъ переродиться. Ошибаешься, другъ мой.

Крапинъ. Не переродиться они могутъ, а перемѣнишься въ характерахъ; лучше сказать, благонамѣренные могутъ сдѣлать новыя добрыя дѣла, пустые — быть основательнѣе и т. д.

Лелинъ, **обращаясь къ прочимъ.** Господа! Вы согласны съ мнѣніемъ Крапина?

Причудинъ. Почти.

Каменовъ. Покрайней мѣрѣ надобно желать, чтобъ было по его мнѣнію.

Лелинъ. Но это несбыточное дѣло.

Крапинъ, съ улыбкою протягивая къ Лелину руку. Такъ бьюсь объ закладъ, что съ завтрашняго дня все пойдетъ на новый ладъ.

Лелинъ. Что пари?

Крапинъ. Пять сотъ рублей.

Лелинъ. Это много; но я согласенъ. Ударяетъ по рукѣ Крапина.

Крапинъ, обращаясь къ прочимъ. Господа, будьте свидѣтелями. Я утверж-

даю, что съ новаго года богачи будутъ ласковы въ обращеніи съ бѣднягами, которые перестанутъ передъ ними унижаться; скупые сдѣлаются щедры, отцы взыскательны, дѣти почтительны, любовники счастливы, красавицы осторожны, журналисты скромны и проч. Однимъ словомъ: все будетъ къ лучшему.

Лелинъ, все еще держа Крапина за руку. Не прозакладуй пяти сотъ!

Крапинъ, къ прочимъ. — Господа, разнимайте!

Лишь только свидѣтели этого страннаго пари исполнили желаніе споривших, часы ударили двѣнадцать. Тогда явился услужливый Иванъ, имѣя въ одной рукѣ бутылку съ Шампанскимъ а въ другой поднос, на которомъ стояли четыре бокала.

«Прошу покорно, господа!» сказалъ Крапинъ пріятелямъ. «Начнемте новый годъ взаимнымъ пожеланіемъ здоровья.»

Гости, какъ водится, не отказались отъ предложенія гостепріим-

наго хозяина. Проведя въ разговорахъ еще часъ, а можетъ быть и болѣе, они откланялись Крапиру, который, провожая ихъ до передней, говорилъ: «Лелинъ, не забудь о пари! А вы, господа, будьте при развязкѣ. Завтра въ 9 часовъ вечера я дома.»

Утро смѣнило ночь. Петербургъ закипѣлъ суетами, примѣтно сократившими первый день новаго года.

Вечеромъ, уединенно сидѣлъ Крапинъ въ своемъ кабинетѣ, докуривая

трубку. Какая-то радость изображалась на лицѣ его. Передъ нимъ, на столѣ, лежалъ исписанный листокъ бумаги, безмолвный свидѣтель тайнаго его восторга. — Ровно въ 9-пь часовъ пріѣхалъ Лелинъ. —

«Здравствуй, милый!» сказалъ онъ Крапину, войдя въ его кабинетъ. «Что подѣлываешь?»

Крапинъ, улыбаясь. — Докуриваю трубку.

Лелинъ. А я пріѣхалъ къ тебѣ за проигранными тобою деньгами.

Крапинъ. Я этого ждалъ.

Лелинъ. Помнишь ли вчерашній закладъ? Свидѣтели его сей часъ пріѣдутъ и подтвердятъ истину моихъ замѣчаній.

Крапинъ, подавая Лелину исписанный листокъ. Мы и безъ свидѣтелей кончимъ. Счастіе съ тобою: ты выигралъ у меня пари, и эта росписка служитъ доказательствомъ, что истина на твоей сторонѣ. — Ты прочиталъ ее?.... Такъ подай мнѣ. Если, по прошествіи года, я не выиграю у тебя этой же суммы, то представлю тебѣ росписку.

Лелинъ. Не понимаю.....

Крапинъ. Согласись, еслибъ я заплатилъ тебѣ наличными деньгами, это была бы новость, потому что я, какъ ты знаешь, плачу всегда расписками; а въ такомъ случаѣ и закладъ былъ бы тобою не совсѣмъ выигранъ.

Лелинъ. Эхъ, братецъ! А мнѣ такъ нужны теперь деньги.... Вѣдь я женихъ.... Понадобится то и то купить....

Крапинъ. Вотъ это такъ новость! Неожиданная новость! Поздрав-

ляю!..... Давно ли лукавый попуталъ тебя жениться? Много ли надѣешься получить въ приданое? И, кстати, почему же ты встрѣтилъ новый годъ въ кругу своихъ пріятелей, а не съ невѣстою?

Лелинъ. Потому что такъ мнѣ разсудилось. — Вѣдь Причудинъ уже два года, какъ женатъ и всегда проводитъ время въ отсутствіи жены своей; однакожъ ты не сдѣлалъ ему вчера подобнаго вопроса.

Крапинъ. Ты не понимаешь меня, любезный! — Причудинъ чело-

вѣкъ расчетливый. Жена его мила какъ Сициліянка, обходительна какъ Полька и богата какъ Русскій купецъ первой гильдіи ; притомъ, въ ея мысляхъ не роится заморское словечко : *претензія.*

Лелинъ. Стало быть, по твоему, они счастливые супруги *?*.....

Крапинъ. Безъ сомнѣнія : это вѣрно какъ семью семь — сорокъ девять.

Лелинъ. А мнѣ это кажется новостью! Но пусть я проиграю

тебѣ въ пари двадцать исписанныхъ лоскутовъ бумаги, лишь бы только, женившись, не поминать мнѣ холостой жизни такъ, какъ поминаетъ ее Причудинъ.

Крапинъ. А что?

Лелинъ. Да такъ! Вѣдь я разсуждаю не по твоему, и поступаю не по его правиламъ.

Крапинъ. Какъ же?

Лелинъ. Невѣста моя не походитъ лицомъ на Сицилiянку, обходи-

шельна не по-Польски, и — безъ приданаго. За то она добра и скромна.

Крапинъ, захохотавъ громко. Ну брашъ, озадачилъ! Озадачилъ! Это небыло предметомъ нашего пари, и теперь, моя росписка полетитъ въ печь! Ха, ха, ха!....

Въ то время, какъ Крапинъ разрывалъ росписку, пришли Причудинъ и Каменовъ. Узнавъ развязку вчерашняго пари, они довольно посмѣялись; а когда Крапинъ открылъ имъ, что Лелинъ скоро женится, не предвидя

приданаго: эти господчики пустились въ сужденія, не совсѣмъ пріятныя для Лелина.

Изъ представленныхъ въ этой статьѣ четырехъ лицъ, Крапинъ и Каменовъ — суть два чиновника, положившіе себѣ закономъ — никогда не свататься и — слѣдственно — не жениться. Первый изъ нихъ рожденъ, воспитанъ, опредѣленъ къ мѣс-

ту, думаетъ, говоритъ и дѣйствуетъ физически и нравственно — на счетъ людей постороннихъ; а послѣдній — на счетъ своихъ родителей.— Крапинъ всегда веселъ и остеръ; Каменовъ бываетъ иногда въ положеніи ипохондрика. Этотъ въ пріятельской бесѣдѣ довольно занимателенъ, потому что объясняется довольно складно, и — подъ часъ — что нибудь разсказывая, дѣлаетъ кудреватыя отступленія отъ предмета рѣчи своей; тотъ, напротивъ, играетъ роль простодушнаго человѣка и нерѣдко такъ заострить свой гибкій языкъ, что въ словахъ его, какъ въ

напоченной бритвѣ, не увидите лезвея. —

Статья II. — АНЕКДОТЪ.

«Что ты не скажешь мнѣ ничего новенькаго?» спросилъ однажды Крапинъ соповарища своихъ предположеній, Каменова. — Это было въ Августѣ мѣсяцѣ того же года.

— Ты, вѣроятно, уже слышалъ о бѣдѣ, постигшей Причудина?» подхватилъ Каменовъ.

«О какой бѣдѣ?» сказалъ Крапинъ. «Я все это время былъ боленъ, и вотъ уже 8-мъ мѣсяцовъ не видѣлъ его.»

— «И я сколько же, хотя и наслаждался добрымъ здоровьемъ.»— продолжалъ Каменовъ. «Можетъ быть, мы долго не увидимъ его. Тесть и теща бѣдняги строго запретили ему отлучаться изъ дома за то, что онъ разстроиваетъ ихъ имѣніе и равноду-

шенъ къ женѣ своей. Кажется, по этой-то причинѣ онъ и не принимаетъ меня къ себѣ.»

«Ахъ они разбойники! А разводъ?» возразилъ Крапинъ.

— «Женатымъ — не льзя разсуждать по нашему,» прервалъ Каменовъ. «Да и поправить домашнія непріятности не такъ легко, какъ развести въ уксусѣ горчицу.»

«Что же Причудинъ сдѣлалъ?» спросилъ Крапинъ.

— «То, что и теперь дѣлаетъ.» отвѣчалъ Каменовъ. «Говорятъ, что онъ помогаетъ своему тестю заниматься хозяйствомъ; тещѣ подтакиваетъ; а отъ жены ожидаетъ дорогаго подарка.»

«Не уже ли дочь или сына?» подхватилъ Крапинъ: — «Стало быть, все ладно?»

— «Только то и не ладно, что мы уже не будемъ болѣе пріятелями Причудина. — Говорятъ также, что онъ сожалѣетъ, зачѣмъ искалъ жену съ приданымъ.»

— «Глупецъ онъ!» — сказалъ Крапинъ.

«Я также не одобряю его мнѣнія. Кажется, онъ не такъ простъ, какъ Куликовъ.“

— «Какой Куликовъ?»

«Какъ какой? Развѣ ты не слышалъ о помѣщикѣ, съ которымъ такъ славно подшутилъ одинъ молодой человѣкъ, давъ ему приданое безъ жены?“

— «Ничего не слышалъ. Разскажи, пожалуйста!» отвѣчалъ Крапинъ съ видомъ любопытства.

— «Успанешь слушать!» подхватилъ Каменовъ.

«Если такъ думаешь, то хоть продиктуй. Я напишу и подарю кому нибудь изъ журналистовъ. — Теперь я такъ разстроенъ твоею новостью о Причудинѣ!.... Притомъ же ты, по привычкѣ, сталъ бы дѣлать въ разсказѣ отступленія, которыя не покажутся въ чтеніи скучными....

— «Изволь!» продолжалъ Каменовъ, „Но предупреждаю тебя, что начну въ видѣ отрывка....»

«Тѣмъ лучше. Нынче никто не любитъ начала и конца; всѣ начинаютъ съ средины, и думаютъ только о срединѣ.»

Крапинъ, взявъ бумагу и перо, усѣлся; а Каменовъ диктовалъ ему слѣдующее:

— «Такъ вы намѣрены основаться въ Петербургѣ?» говорилъ Куликову карантинный подлекарь, смотря вни-

мапельно на марганецъ, который, шипя, смрадно дымился въ горшечномъ черепкѣ, стоявшемъ посреди комнаты, на низенькой дубовой скамейкѣ.

«Да, сударь.» отвѣчалъ — отъ природы простой, а отъ крѣпкихъ напитковъ всегда глупый — помѣщикъ, одною рукой, зажимая свой широкій носъ, а другою поправляя платье, которое было развѣшено надъ курепьемъ — по доскамъ, поддерживаемымъ полуразвалившимися стульями. «Въ Петербургѣ, въ Петербургѣ.

Ваша хорела (*) выгнала меня изъ деревни.»

Подлекарь. А откуда изволите ѣхать?

Куликовъ. Пробираюсь я изъ К..... губерніи. Чтобъ не сдѣлаться заживо добычею смерти, такъ напугавшей моихъ земляковъ и меня грѣшнаго, я заложилъ свою Р.... вотчину, въ которой жилъ съ малолѣтства; и, на полученныя изъ Приказа призрѣнія денежки, располагаю коротать свой вѣкъ въ Питерѣ.

(*) Холера.

Подлекарь. Такъ-съ. А родные ваши?

Куликовъ. Въ томъ-то и горе, сударь, что я безроденъ. Хотѣлъ завестись хозяйкою; но не было, знать, судьбы. Дѣвушки нашего уѣзда на глаза не пришлись, а изъ заѣзжихъ-то къ намъ — не хотѣлось брать безъ приданаго. Что-то скажетъ Столица?

Подлекарь, по нѣкоторомъ молчаніи. Да, въ Петербургѣ можно поискать невѣсту.

Куликовъ, внимательно. А вы жили въ Питерѣ?

Подлекарь, важно. Какъ же-съ? Только-что переведенъ оттуда въ этотъ скучный городокъ.

Куликовъ. Скажите же, сударь, тамъ нѣтъ хорелы?

Подлекарь, значительно. И не будетъ никогда!

Куликовъ, изъявляя радость. И не будетъ, говорите вы?.... Слава Тебѣ, Пресвятая Троица!..... Ну, а каково тамъ житье?

Подлекарь. Такое веселое, что не захочете съ нимъ разстаться.

Куликовъ. И есть невѣсты?

Подлекарь. Пропасть, да все какія!.....

Куликовъ. Хорошія?

Подлекарь. Гмъ!..... Тамъ нѣтъ худыхъ..... Всѣ дѣвушки красавицы.

Куликовъ. Всѣ дѣвушки красавицы?..... Вотъ диковинка-то!..... Да есть ли хоть одна съ состояніемъ?

Подлекарь. Въ Петербургѣ нѣтъ бѣдныхъ. Всѣ богаты: щеголяютъ въ шелку, лакомятся конфектами, ѣздятъ въ богатыхъ экипажахъ.... А чай, кофе..... и не говорите. Даже простыя бабы сосутъ сахаръ.....

Куликовъ. Ахти, мой свѣтъ! Если бъ я прежде зналъ это, непремѣнно перевезъ бы въ Питеръ всю свою деревню.

Подлекарь, едва удерживаясь отъ смѣха. Только сначала вамъ будетъ

трудно привыкать къ обычаямъ Петербургскимъ.....

Куликовъ. А почему, сударь?

Подлекарь. Вѣдь вы думаете завестить тамъ домкомъ. Съ деньгами, правда, это можно; да добрую-то хозяйку вдругъ не получите.

Куликовъ. Зачѣмъ вдругъ? Поживу, осмотрюсь — такъ авось и найду. Намедни мнѣ сказывали, что въ Петербургѣ есть свахи.

Подлекарь. Да что ваши свахи? Для женитьбы нужно нѣчто особенное.

Куликовъ. А что такое, батюшка?

Подлекарь, вынувъ изъ своего кармана очки. Вотъ, напримѣръ, вещица, съ которою навѣрно можно найти хорошую жену.

Куликовъ. Видывалъ, батюшка. У нашего засѣдателя, что прошлою зимой купилъ себѣ тройку чалыхъ,

очки лежатъ на носу крѣпко, крѣпко, словно съ нимъ и на свѣтъ родились.

Подлекарь, подавая очки Куликову. У него не такіе!.... Мои же очки рѣдкіе, волшебные. — Попробуйте въ нихъ посмотрѣть.

Куликовъ, надѣвъ очки. Волшебные!..... И впрямъ что-то рябитъ..... А вѣдь какъ нарочно для меня сдѣланы..... Впрочемъ зачѣмъ мнѣ они?....

Подлекарь. Ослѣпнете, какъ нападете на худую невѣсту. Женскаго сердца не узнаешь.... А это такіе

очки, въ которые съ перваго взгляда отгадаете, каковъ человѣкъ..... Посмотрите на меня. Вѣдь вы видите, что я добръ..... Не правда-ли?

Куликовъ, смотря на подлекаря и покачиваясь. А что, сударь?..... Гдѣ бы, въ самомъ дѣлѣ, достать мнѣ *на манеръ* этихъ очковъ?.....

Подлекарь. Нигдѣ не найдете. Вы желаете имѣть?...

Куликовъ. Почему же, если и впрямъ съ ними можно быть счастливу.

Подлекарь. Купите эти: стоютъ недорого. Мнѣ теперь не до дѣвушекъ; а когда снимутъ каранпшны и я возвращусь въ Петербургъ: если не найду въ живыхъ своего пріятеля, который одинъ во всемъ городѣ мастеръ ихъ дѣлать, такъ васъ поищу. Богъ дастъ, свидимся.

Куликовъ. Что возьмете за нихъ?

Подлекарь. Двадцать пять рублей.

Куликовъ. Серебромъ?

Подлекарь. Нѣтъ, ассигнаціями.

Куликовъ. Дорогонько, сударь. Цѣлковичка два сбавьте....

Подлекарь. Да гдѣ вы найдете счастье за двадцать пять рублей ассигнаціями? Въ этой же суммѣ заключается и благодарность за мой трудъ: я не напрасно окуривалъ васъ.....

Куликовъ, подумавъ. Быть по вашему, сударь.

Сказавъ это, Куликовъ подошелъ къ столу, на которомъ стоялъ его

березовый сундучокъ; вынулъ изъ него бѣлую ассигнацію и подалъ подлекарю. Между тѣмъ куренье перестало шипѣть. Острый духъ марганца, распространившись по комнатѣ, сдѣлался для помѣщика столь несносенъ, что онъ началъ жаловаться подлекарю на головную боль. Да и крѣпкая голова послѣдняго, привыкшая ко всѣмъ перемѣнамъ воздуха, уже была наполнена смрадомъ. Сунувъ въ карманъ полученную ассигнацію, онъ взялъ свой лакированный карпузъ, съ намѣреніемъ оставить помѣщика.

«Куда же вы?» спросилъ его Куликовъ, съ видомъ самодовольства повертывая въ рукахъ купленные очки.

Подлекарь. Ваши вещи уже напитались куреньемъ. Будьте спокойны: холера не прикоснется къ вамъ. — Я долженъ поспѣшить къ одному офицеру, также ѣдущему въ Петербургъ.... Надобно и его окурить.

Куликовъ. Посидите, батюшка!

Подлекарь, раскланиваясь. Извините, никакъ не могу. Столько дѣла!..

*

Желаю вамъ счастливаго пути, и напередъ поздравляю съ богатою невѣстой.

Куликовъ, едва передвигая ноги..... А водочки, батюшка?..... У меня такая славная: анисовая, съ перчикомъ.

Подлекарь. Благодарю покорно. Прощайте.

Это было зимою 1830 года, въ оцѣпленномъ городѣ В....., гдѣ Куликовъ держалъ, въ отведенной ему квартирѣ, дневной терминъ. Дабы не перевозить своихъ вещей къ главной гауптвахтѣ, въ назначенный для окурки домъ, — помѣщикъ упросилъ главнаго комиссара поговорить съ лекаремъ о томъ, не льзя ли окурить ихъ въ особенной квартирѣ. Послѣдній уважилъ слово комиссара; но, по множеству своихъ обязанностей, послалъ за себя къ Куликову фельдшера, который, назвавшись *подлекаремъ*, замѣтилъ въ разговорѣ съ Куликовымъ чрезвычайную его просто-

ту и воспользовался ею. Онъ продалъ помѣщику обыкновенныя очки, найденныя имъ на улицѣ.

Между тѣмъ какъ любовь изцѣляетъ однихъ отъ недуговъ, другіе называютъ ее заразой. Съ послѣдними намъ нельзя согласиться, потому что въ предосторожность отъ заразительныхъ болѣзней учреждаются карантины; о смертности же, причиняемой злоупотребленіемъ любви, человѣческая мудрость и не думаетъ заботиться. Да и зачѣмъ? Пусть здоровые трусы прячутся отъ холериковъ, оцѣпляя ихъ жили-

ща; больныхъ сердцами — нечего бояться: они не заразительны. Вотъ, напримѣръ, Петербургскій повѣса Фарсовъ. —

Первые признаки его душевной болѣзни открылись въ 1830 году. Любовь расположила его къ нѣкоторой задумчивости; любовь была и причиною, почему онъ — по цѣлымъ днямъ — не сводилъ своихъ горючихъ глазъ съ прелестнаго лица дѣвицы Чадиной. Молодая дѣвушка отвѣчала ему тѣмъ же; оба они заболѣли страстію, и отецъ Маріи Чадиной искусно увра-

чевалъ ихъ сердца, отдавъ щеголю руку дѣвушки.

Обрученіе совершено предъ Рождественскимъ постомъ. Въ домѣ своего будущаго тестя, Фарсовъ пріятно заговѣлся надеждой на союзъ съ Маріею, и былъ такъ терпѣливъ и набоженъ, что — въ теченіе шести недѣль — только два раза видѣлся съ своею невѣстой, хотя, можетъ быть, думалъ о ней и безпрестанно. — Блаженъ женихъ!..... Онъ не долженъ заботиться о свадебныхъ нарядахъ, которыя, по старинной мѣркѣ родственнаго участія, дружно кроятъ и

шьютъ для невѣсты — чадолюбивыя ихъ матушки и тетушки, свахи и нянюшки. Онъ не хочетъ слушать заунывныхъ свадебныхъ пѣсень, не знаетъ ни какихъ хлопотъ. — Что же онъ дѣлаетъ тогда?..... То, или почти то же, что занимало Фарсова.

Обязанность любить и, любя, ждать съ терпѣніемъ брачнаго дня, не мѣшала ему проказничать; и пока семейство Чадиныхъ постилось, преподавая Маріи теорію супружеской жизни, Фарсовъ продолжалъ веселиться: посѣщалъ концерты, кандитерскія, пріятелей,

и т. п. — Особенное же удовольствіе находилъ онъ въ бесѣдахъ съ Куликовымъ. Диковинная оригинальность физіономіи и простота ума этого провинціала — такъ понравились Фарсову, что онъ впрочемъ благодарилъ отъ всего сердца судьбу за доставленіе ему случая столкнуться и познакомиться съ Куликовымъ — Но пріятели Фарсова не безъ удивленія видѣли въ этомъ знакомствѣ соединеніе двухъ крайностей. Зная, что покойный отецъ Фарсова велъ съ отцомъ Куликова сильную тяжбу, кончившуюся въ пользу послѣдняго, можно ли было думать, что их

слѣдники — когда нибудь соединятся между собою узами пріязни?.... При всемъ этомъ вышло противное, и отъ-того именно, что землякъ Фарсова былъ простъ и безпамятенъ, а самъ Фарсовъ злопамятенъ, хотя и не зловреденъ.

Петербургскій щеголь узналъ отъ добродушнаго помѣщика, что онъ, съ помощію очковъ, называемыхъ имъ волшебными, ищетъ себѣ невѣсту съ приданымъ — не менѣе 10,000 рублей, т. е. суммы, равной той, которую онъ привезъ съ собою изъ де-

ревни. Это обстоятельство представило Фарсову новый предлогъ доказать своимъ знакомымъ, что онъ человѣкъ веселаго характера и никогда не упуститъ случая пошутить на чужой счетъ, и что шутки его имѣютъ иногда свою относительную пользу.

«Хотите ли, почтенный Симонъ Филиповичъ!»— говорилъ онъ однажды Куликову, бывъ у него въ гостяхъ: «хотите ли, чтобъ я познакомилъ васъ въ домѣ, гдѣ вы можете увѣриться въ волшебномъ дѣйствіи вашихъ очковъ?»

Куликовъ, покачиваясь на стулѣ. Доставь, батюшка, случай быть твоимъ должникомъ.

Фарсовъ. Въ семействѣ Чадиныхъ, которому я сегодня васъ отрекомендую, есть пригожая, добрая невѣста. Родители ея даютъ въ приданое желаемую вами сумму.

Куликовъ. Наличными? Ассигнаціями?....

Фарсовъ. Разумѣется.

Куликовъ. И я получу десять тысячъ рублей въ день свадьбы, прежде чѣмъ поѣду къ вѣнцу.

Фарсовъ. Непремѣнно.

Куликовъ, обнимая Фарсова. Будьте благодѣтелемъ. Не перестану молиться о васъ....

Фарсовъ. Какъ водится, я отрекомендую васъ Чадинымъ; а вы, посѣщая ихъ — со мною или одни, старайтесь казаться имъ какъ можно любезнѣе: говорите много, махая руками и поводя глазами, чаще поправляйте свой галстухъ и хохолъ, и засучивайте рукава. — Однако жъ водки не просите и, если подадутъ, пейте умѣренно. Притомъ не медли-

пе открыться Маріи въ любви вашей, дабы — на пути вашемъ къ счастію — не опередилъ васъ какой нибудь скороспѣлъ.

Куликовъ. Постараюсь, ошецъ. Все будетъ по вашему.

Вечеромъ Фарсовъ повезъ Куликова къ Чадинымъ, которые были упреждены относительно пріема къ себѣ чудака и обращенія съ нимъ.

Куликовъ, и въ полхмелья, казался сполна пьянымъ, при своихъ бурлацкихъ ухваткахъ. Очки же не обманывали его. Каждый разъ, когда онъ бывалъ послѣ того у Чадиныхъ, ему видѣлось, что они отлично къ нему расположены, и особенно Марія. — Наконецъ, когда наступило для него время объясненія въ любви Маріи, Фарсовъ успѣшно сыгралъ роль свата. Куликову не отказали въ рукѣ Маріи: день брака былъ назначенъ. И наступилъ — надо прибавить.

Какъ истуканъ, стоялъ разряженный Куликовъ въ своей квартирѣ

у окна, сложивъ назадъ руки. Были сумерки; впрочемъ это не мѣшало ему, сквозь стекла очковъ, смотрѣть въ окно. — Часъ свадьбы приближался; и когда къ дому подъѣхали сани, женихъ-помѣщикъ выразилъ свою радость легкимъ скокомъ отъ окна и щелканьемъ пальцами, и бросился въ переднюю.

Вошедшій слуга поклонился ему и подалъ пакетъ, сказавъ: «Павелъ Григорьевичъ Фарсовъ приказалъ вручить вамъ, отъ имени Александра Константиновича Чадина, этотъ пакетъ съ 10-ю тысячами рублей приданаго,

и просить васъ пожаловать къ вѣнцу. Невѣста уже въ церкви.

Восторженный Куликовъ принялъ отъ слуги пакетъ. «Сей часъ, голубчикъ, сей часъ пріѣду!» сказалъ помѣщикъ, сунувъ бережно въ карманъ своего фрака полученный пакетъ. — Потомъ сталъ онъ закутываться въ шубу.

Церковь была полна празднаго народу. Почти послѣ всѣхъ вошелъ

въ нея Куликовъ и, не внимая пѣнію клироса, съ усиліемъ пробирался въ передъ. Уже выходилъ онъ изъ толпы, уже хотѣлъ приблизиться къ налою, какъ неожиданное зрѣлище представилось изумленнымъ его взорамъ. Передъ налоемъ— за священнослужителемъ— стояли, съ вѣнцами на главахъ, Фарсовъ и Марія, внимая заповѣдныя слова представителя благодати Божіей.

Не вѣря очкамъ, Куликовъ снялъ ихъ; но увидѣлъ то же самое. Тогда подошелъ онъ къ Фарсову и, дернувъ его за руку, тихо сказалъ: «бла-

годѣтель, Павелъ Григорьевичъ! Вы ли это?» — Фарсовъ обернулся. Его улыбка была для Куликова краснорѣчивымъ доказательствомъ, что видѣнное имъ не есть сонъ. — Все еще недоумѣвая, помѣщикъ опустилъ въ свой карманъ руку, и лишь ощупалъ въ немъ пакетъ, тотчасъ поспѣшилъ домой.

«Не обманешь, дружокъ, стараго воробья на мякинѣ!»— думалъ обманутый женихъ, выходя изъ церкви. «Не обманешь! Невѣста при тебѣ, а приданое у меня! И то дѣло!» Куликовъ былъ тогда похожъ на больнаго, при-

нимающаго предписанную порцію осахаренныхъ пилюль.

Пріѣхавъ домой, онъ вошелъ въ спальню; вынулъ изъ кармана пакетъ, распечаталъ его, и — пересчитавъ деньги, ошперъ свою березовую шкатулку, съ намѣреніемъ пріобщить ихъ къ капиталу, привезенному изъ деревни. Но предспавьте его удивленіе и досаду! Въ шкатулкѣ не нашелъ онъ ни одной ассигнаціи, а на мѣстѣ денегъ лежала незапечатанная цидулка. Куликовъ беретъ ее и читаетъ по складамъ — слѣдующее:

«Ни очки, ни толчки не мо-
«гутъ сдѣлать дурака умнымъ;
«и кто ищетъ не друга, а не-
«вѣсту съ приданымъ: тотъ ни-
«когда не найдетъ приданаго съ
«умною и доброю женой.»

Павелъ Фарсовъ.

«Разбойникъ! Провалъ тебя возьми!» кричалъ разсерженный Куликовъ, подходя къ столу, на которомъ свѣтлѣлась въ графинѣ — анисовка, непосредственная причина его досады. — Рюмочка, потомъ другая, потомъ еще графинчикъ нагнулся; сло-

вомъ сказать, мой обманутый женихъ, чѣмъ ушибся, тѣмъ и спалъ лечиться.

Фарсова давно нѣтъ въ Петербургѣ. Говорили, будто бы онъ поступилъ такъ съ Куликовымъ по праву наслѣдственной мести, и что Куликовъ сталъ, послѣ того, молчаливѣе въ обращеніи съ знакомцами и умнѣе. Если это правда,— Фарсовъ заслуживаетъ не порицаніе, а похвалу.»

«И все тутъ.»— сказалъ въ заключеніе Каменовъ Крапину, который писавши смѣялся.

— «Не уже ли, въ самомъ дѣлѣ, это случилось?» спросилъ Крапинъ.

«Я слышалъ отъ вѣрнаго человѣка.» отвѣчалъ Каменовъ.

— «Однако жъ странно, что еще водятся такіе глупцы, какъ Куликовъ!» подхватилъ Крапинъ.

— «Стало быть не странно,» сказалъ Каменовъ: «когда всему городу нравилось это происшествіе.»

«Хорошо, пусть такъ!» прервалъ Крапинъ. «Когда же Фарсовъ успѣлъ вынуть изъ шкатулки Куликова деньги?»

— «Безъ сомнѣнія тогда, когда въ головѣ помѣщика кружился хмель, настоенный въ спиртѣ анисомъ и перчикомъ. — Но дѣло не въ похищеніи, а въ томъ, что Куликовъ не получилъ ни невѣсты, ни чужихъ денегъ. Ужъ не его ли неудача напугала нашего пріятеля, Лелина? Ты давно его видѣлъ?»

— «Такъ же давно, какъ и Причудина.» отвѣчалъ Крапинъ. «А что такое?»....

—«Вѣдь и этотъ малый женился.» продолжалъ Каменовъ. «Да какъ онъ зазнался! Подумаешь, будто бы взялъ за женою въ приданое всю 1-ю Адмиралтейскую часть. Встрѣчаясь со мною, и бровью не ведетъ: отворачивается, словно никогда не знавалъ друга.»

«Ахъ, онъ мерзавецъ!» возразилъ Крапинъ. «Съ ума, что ли, онъ сошелъ?»

— «Ты бы спросилъ, счастливъ ли онъ своимъ супружествомъ!» прервалъ Каменовъ.

«А что? Ужъ не дерутся ли они?.. Какъ бы это было славно!» подхватилъ Крапинъ.

— «Не то, брашецъ!» сказалъ Каменовъ: «Ему всѣ завидуютъ. Живетъ онъ въ довольствѣ, мирно, весело.»

«Какъ? Не получивъ ни гроша, ни красавицы?» спросилъ Крапинъ.

— «Ну, да!» отвѣчалъ Каменовъ.

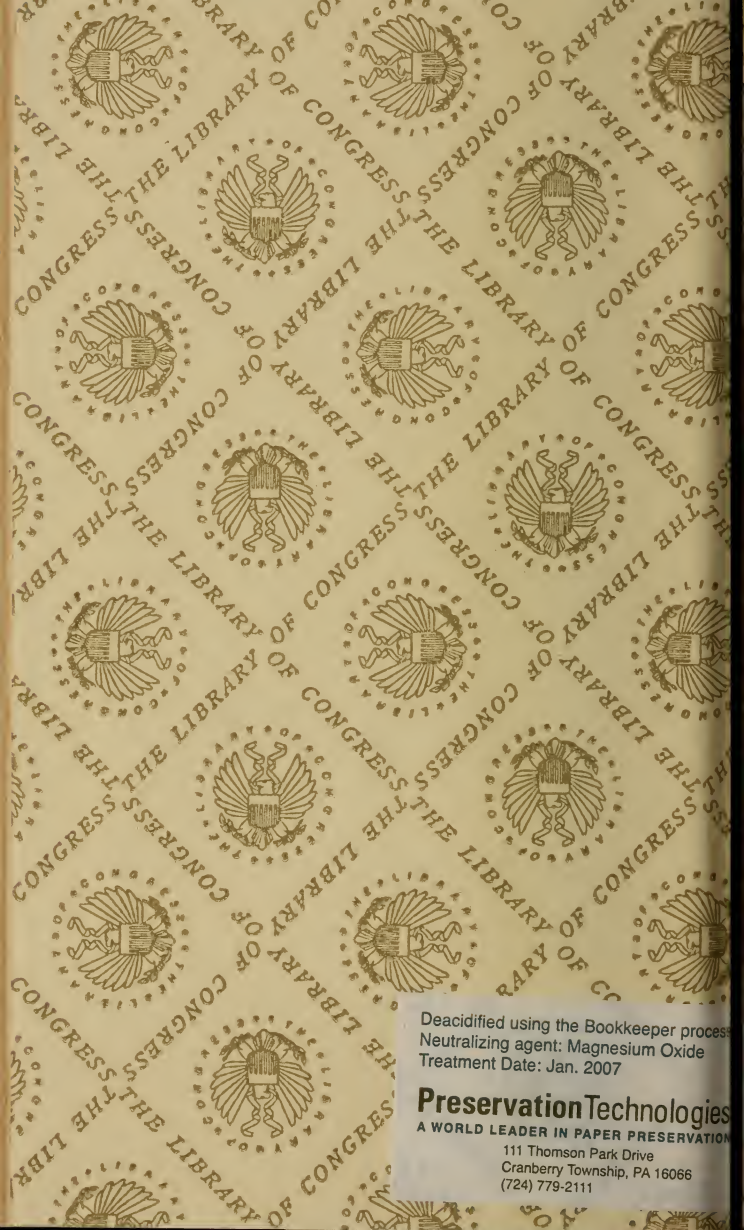
«Счастливъ!» кончилъ Крапинъ. «Признайся однако жъ, можно ли было думать когда нибудь въ его пользу?»

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:			Должно читать:
Стран.	20	строк. 8	счасливъ.....счастливъ
„	26	„ 12	Александръ....Александръ.
„	50	„ 3	попрасть.....попрашь.
„	51	„ 2	сѣбѣ.....ссбѣ.
„	—	„ 5	срываться.....сорвашъ.
„	67	„ 2	догаравшую..догоравшую.
„	80	„ 7	въ обрщеніи..въ обращеніи.
„	93	„ 3	бѣдствій..... бѣдствій.
„	121	„ 2	шолько..... только.
„	182	„ 7	помѣщикь..... помѣщикъ.
„	198	„ 2	обыкновенныя обыкновенные.
„	198	„ 3	найденныя....найденные.
„	207	„ 5	ошецъ.....ошецъ.

W 24



Deacidified using the Bookkeeper process
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS

LIBRARY OF CONGRESS

00025248909